ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок художников Бор. Ефимова и Н. Долгорукова.

Берлинский полк

БАЛЛАДА-ПЕСНЯ

Илья ФРЕНКЕЛЬ

Загремели батареи
Нашего полка —
Через реку, через Шпрее,
Хлынули войска.

Наш художник
сталинградский
Разукрасил мост:
Вывел буквы красной
краской
В человечий рост.

Три простых солдатских
слова:
«На Берлин вперед!»
Машет флагом чернoброва.
— Братцы, полный ход!

И пошла за ротой рота
Гвардия побед,
Богатырская порода,—
Тверже в мире нет!

Через мост катились
пушки,
Вез патроны «ЗИС».
Провода мотал с катушки
На бегу связист.

Бронебойщики тащили
Длинные стволы:

Взять Берлин они решили,
И возьмут, орлы!

И, шатая переправу,
Танки шли волной.
И ударил бой кровавый,
Злой, последний бой.

Как пошел народ
на приступ,
Как сомкнул кольцо,
Как взглянули мы фашисту
В мертвое лицо.

Не заглушишь, не потушишь
Нашего огня!

Как дадут-дадут «катюши» —
Аж не видно дня!

Из подвалов, подворотен
Выстрелы трещат —
Мы оружье поворотим,
Мы пошлем снаряд.

С нашей теткой-самоходкой
Лучше не шути:
Бьет в упор прямой
наводкой —
Все летит с пути...

Мы героя хоронили,
Сами шли вперед,

И с его святой могилы
Бил наш пулемет.

И катились дальше пушки,
Вез патроны «ЗИС»,
И разматывал с катушки
Провода связист.

Размотает, в трубку дует
И кричит сквозь гром:
— Как дела!—Народ воюет.
— Как Берлин!—Берем!..

Все слова бойца простые
Сталину несут.
Так узнала вся Россия,
Что врагу капут.

Воевали мы достойно,
Выполняли долг,
А потом пошел спокойно
Наш Берлинский полк.

Шли повзводно, мерным
шагом,
Песню завели,
И светился над рейхстагом
Стяг родной земли.

ОГОНЁК № 8 (1081) 22 ФЕВРАЛЯ 1948

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ АРМИЯ!

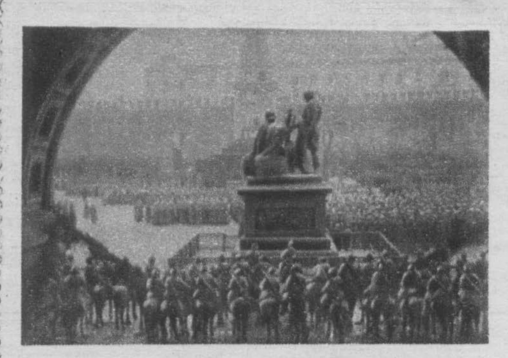
Владимир Ильич ЛЕНИН

Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Советская Армия—

На Красной площади

1918



1924

1925

1926

1927

Генерал-лейтенант М. М. ПОТАПОВ

Ожесточенным сопротивлением встретили великий Октябрьский переворот свергнутые рабочим классом и трудящимися деревни капиталисты и помещики.

Кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты, разных мастей буржуазные националисты, реакционные элементы казачества и офицерства нашли общий язык в вооруженной борьбе против нового государства.

Англо-французские империалисты, направлявшие политику Временного правительства до Октября, продолжали вдохновлять и организовывать российскую контрреволюцию на гражданскую войну. Одновременно страны Антанты готовились к вооруженной интервенции, заранее поделив Советскую Россию на сферы влияния. Как стало позже известно, уже 10 декабря 1917 года правительства Англии и Франции договорились между собой относительно разделения сфер влияния в России. Германо-австрийские империалисты также готовились использовать обстановку, чтобы в свою очередь набросить петлю на шею трудящимся Советской России.

Было ясно, что предстоит жестокая, длительная и напряженная война, война не на жизнь, а на смерть с внешними и внутренними врагами, которая потребует создания мощных вооруженных сил, соответствующих масштабу предстоящей борьбы.

В распоряжении советского правительства находились отряды Красной гвардии численностью до 150 тысяч человек.

Однако рабочая Красная гвардия, сыгравшая свою историческую роль как орудие восстания пролетариата, ни по своей численности, ни по структуре, ни по своей организации не отвечала новым задачам.

Не приходилось рассчитывать и на старую армию, которая как часть механизма старого, буржуазного государства также не могла выполнить принципиально новых задач; она должна была быть сдана и была сдана на слом.

Нужна была армия нового типа, и она была создана.

В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», опубликованной 4 января 1918 года, заявлялось, что «в интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян».

15 января 1918 года великим Лениным был подписан декрет Совета Народных Комиссаров о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Так родилась Советская Армия, детище Великой Октябрьской социалистической революции, орудие утверждения пролетарского государства.

Молодой армии история не отвела времени на организацию, комплектование, вооружение и обучение. Армия формировалась, обучалась и крепла в ходе боев.

23 февраля 1918 года под Нарвой и Псковом части еще не окрепшей Рабоче-Крестьянской Красной Армии нанесли первый сокрушительный удар по вероломным германским захватчикам.

День 23 февраля стал днем всенародного праздника трудящихся Советского Союза, посвященного Советской Армии и Военно-Морскому Флоту.

* * *

Тридцать лет—исторически небольшой срок, однако за эти годы история Советской Армии заполнена яркими, неповторимыми примерами мужества, отваги и самопожертвования ее бойцов, полководческого искусства ее командиров и блестящими победами, вызывающими восхищение и восторг у наших друзей, злобу и изумление у наших врагов.

За прошедшие 30 лет многие из наших врагов испытали силу ударов Советской Армии.

В годы интервенции и гражданской войны флаги четырнадцати государств вместе с их солдатами были выброшены вон за советские границы нашим красноармейским штыком.

Это следует особенно помнить некоторым современным мальбрукам, сколачивающим блоки для походов на советскую землю.

Но особенно почувствовали на своей спине силу смертельных ударов Советской Армии немецко-фашистские захватчики. Фашистская Германия была разбита наголову. Германские войска капитулировали. Гитлеровская военная машина была разгромлена вдребезги.

Вооруженные Силы Советского Союза получили всеобщее признание как первоклассная, самая современная армия.

«Это и понятно. После блестящих побед Красной Армии под Москвой и Сталинградом, под Курском и Белгородом, под Киевом и Кировоградом, под Минском и Бобруйском, под Ленинградом и Таллином, под Яссами и Львовом, на Висле и Немане, на Дунае и Одере, под Веной и Берлином,— после всего этого нельзя не признать, что Красная Армия является первоклассной армией, у которой можно было бы поучиться многому» (Сталин).

Боевой опыт Советской Армии привлекает к себе внимание всего мира. Причина, источники наших побед в настоящее время являются предметом самого пристального изучения ученых, политиков, военных и журналистов.

Какие только объяснения не пытается давать буржуазная наука и публицистика!

Тут и ссылки на самобытность нашего народа, на его драчливый характер; на национальные качества полководцев; на суровую русскую зиму и знойное лето; на огромные просторы нашей Родины и их специфические условия.

Выдвигаются и теории численного превосходства русских; большевики, дескать, обманывали мир, засекретив истинные данные о колоссальном росте своего населения и промышленности, а затем, неожиданно развернув свои силы, задавили немцев своей численностью.

Теперь, когда империалисты США и Англии занялись сколачиванием антисоветских блоков, а наиболее ретивые из них прямо угрожают войной против СССР и стран новой демократии, буржуазные «ученые» и публицисты стараются по мере сил и возможности уменьшить роль Советского Союза и его армии в разгроме фашистской Германии и империалистической Японии.

В последнее время настойчиво выдвигаются как якобы решающие факторы нашей победы экономическая помощь союзников и открытие второго фронта в Европе.

Очевидно, буржуазная наука не в состоянии или не желает понять истинных источников победы Советского Союза.

Оно и понятно: буржуазная военно-научная мысль с ее односторонностью и метафизической ограниченностью не в состоянии дать правильное объяснение общественным явлениям. Она и военные вопросы пытается решить в узких, чисто военных рамках, вне связи с социально-политическими и экономическими явлениями в обществе, вне конкретно сложившейся исторической обстановки.

Только советская наука, рассматривающая любое явление с позиций материалистической диалектики, с позиций марксизма-ленинизма, в состоянии определить источники силы Со-

армия нового типа

ветской Армии, ее особенности и закономерности ее побед.

Советская Армия — армия принципиально нового типа. Ее существование обусловлено Великой Октябрьской социалистической революцией.

Попытки провести какие-либо аналогии со старой, царской армией, с ее традициями, с ее базой не выдерживают никакой критики.

«В чем сила, где источник силы нашей Красной Армии?.. В чем те особенности, которые составляют источник силы и могущества нашей Красной Армии?» — говорил товарищ Сталин.

«Первая и основная особенность нашей Красной Армии состоит в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, она есть армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата... Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам.

Вот где источник силы нашей Красной Армии.

А что значит любовь народа к своей армии? Это значит, что такая армия будет иметь крепчайший тыл, что такая армия является непобедимой».

В самом деле, какая другая армия может рассчитывать на подобную любовь, уважение и заботу со стороны своего народа? Армия, выступающая против него с пулеметами и слезоточивыми бомбами, армия в роли душителя рабочих забастовок, армия, открыто выступающая в роли палача своего народа?

Конечно, такая армия может рассчитывать только на проклятие и презрение. Такая армия не может рассчитывать на непобедимость.

Говоря о второй особенности нашей армии, товарищ Сталин отмечает, что Советская Армия «является армией братства между народами нашей страны, армией освобождения угнетенных народов нашей страны, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны... В этом второй и основной источник силы и могущества нашей Красной Армии. В этом залог того, что наша армия в критическую минуту найдет величайшую поддержку в миллионных массах всех и всяких национальностей, населяющих нашу необъятную страну».

Эти слова товарища Сталина ярко и убедительно подтвердились в ходе Великой Отечественной войны, когда все народы Советского Союза в их смертельной схватке с фашистскими извергами проявили исключительную сплоченность, чудеса героизма в труде и бою.

Ставка Гитлера на развал нашего многонационального государства оказалась битой.

Наконец, третья особенность нашей армии, также вытекающая из самого существа социалистического государства, по выражению товарища Сталина, состоит «в духе интернационализма, в чувствах интернационализма, проникающих всю нашу Красную Армию. В капиталистических странах армии обычно воспитываются в духе ненависти к другим народам, в духе ненависти к другим государствам, в духе ненависти к рабочим и крестьянам других стран... Наша армия построена на совершенно других основах. Сила нашей Красной Армии, товарищи, состоит в том, что она воспитывается с первого же дня своего рождения в духе интернационализма, в духе уважения к другим народам, в духе любви и уважения к рабочим всех стран, в духе сохранения и утверждения мира между странами».

И в гражданской и в Великой Отечественной войне Советская Армия несла народам не гнет и закабаление, а свободу и национальную независимость.

Определяющим фактором боеспособности и непобедимости Советской Армии являлась и является партия Ленина — Сталина. Она вдохновитель и организатор советских вооруженных сил, носитель сплоченности и дисциплины, «сильная своим революционным духом и готовностью пойти на любые жертвы ради успеха общего дела, непревзойденная своим уменьем организовать миллионные массы и правильно руководить ими в сложной обстановке» («Краткий курс истории ВКП(б)»).

Она вела народ на Октябрьский штурм, она мобилизовала его на победы в гражданской войне. Она была организатором и вдохновителем побед на социалистической стройке. Она подготовила и организовала победу Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Наша партия в годы сталинских пятилеток руководила созданием могучей экономической базы — мощной промышленности и самого передового в мире сельского хозяйства. И во время минувшей войны наш героический тыл безотказно поставлял фронту все необходимое.

Сотни тысяч членов партии шли в ряды армии, внося в нее организованность, чувство долга, стремления к подвигу.

Партия Ленина — Сталина, вооруженная самой передовой теорией — теорией марксизма-ленинизма, оплодотворяла военную науку духом новаторства, творческого искания.

* * *

История Советской Армии, Советских Вооруженных Сил, связана с руководителем партии, вождем, учителем, полководцем и другом народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Годы гражданской войны... Тяжело в Царицыне — партия посылает туда Сталина. Плохо в Перми — партия посылает туда Сталина. Враг у стен Петрограда — партия посылает туда Сталина. Деникин у Орла, грозит захватом столицы — Сталин готовит и осуществляет разгром Деникина. Отучить панов от покушений на советские границы, добить Врангеля партия поручает Сталину.

Товарищ Сталин вооружил нашу военную мысль, поднял ее на новую, высшую ступень. Созданием конных армий в годы гражданской войны он неизмеримо повысил темпы операций. Он уже тогда показал примеры широкого маневрирования массированной техникой и крупными войсковыми соединениями; он тогда же заложил основы советского оперативного искусства.

Сталинское учение о стратегии и тактике является краеугольным камнем советской военной науки; его указания об основных факторах победы нашей страны в Великой Отечественной войне, о контрнаступлении являются дальнейшим, высшим этапом советской военной науки.

Неизмерима роль товарища Сталина в создании командных кадров нашей армии. Он оказался гениальным садовником, любовно растившим и вырастившим новые руководящие военные кадры, «вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны с Германией и ее союзниками».

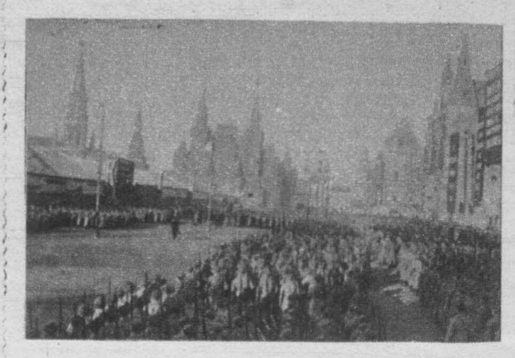
* * *

Народы Советского Союза вернулись к мирному труду. Успешно залечиваются тяжелые раны войны. План второго года послевоенной сталинской пятилетки перевыполнен. Из конца в конец нашей необъятной страны прокатился и нашел горячий отклик у трудящихся призыв ленинградцев — выполнить пятилетку в четыре года. Нет сомнения, что лозунг «Пятилетка — в четыре года!» — реальная программа. Порукой тому наши славные победы на фронте труда и в бою во время минувшей войны; порукой тому руководство нашей партии.

Советская Армия вновь стала на охрану мирного труда своего народа и охрану советских границ.

Народ может быть уверен, что она успешно выполнит свои задачи.

На Красной площади



1929

1931

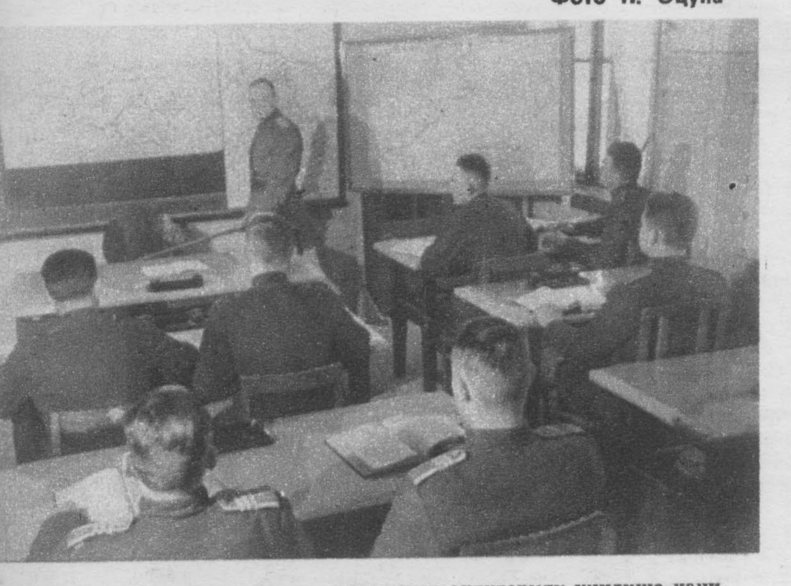
1932

1933

1934

Декабрь 1922 года. Курсанты школы ВЦИК охраняют здание Большого театра, в котором в те дни происходил I Всесоюзный съезд Советов.

Фото П. Оцупа



1948 год. С утра в светлых просторных аудиториях училища начинаются занятия. Сегодня лекция по военной истории, посвященная походам Суворова.

В училище ряд прекрасно оборудованных лабораторий. Капитан И. Палий проводит занятия в физической лаборатории.

Капитан Л. Белов корректирует огонь.

Школа совет…

Дважды Герой Советского Союза
генерал-майор И. ФЕСИН,

начальник Московского краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР.

Фото С. Фридлянда

В конце 1917 года по указанию В. И. Ленина была создана 1-я Московская революционная пулеметная школа, ныне Московское краснознаменное пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР.

Это первое, а в начале своего существования оно было и единственное, училище, которое готовило кадры советских офицеров...

15 декабря 1917 года был закончен первый набор курсантов. В марте 1918 года в школе уже состоялся досрочный выпуск, а в сентябре — первый массовый выпуск. «Приветствую 400 товарищей рабочих, окончивших сегодня курсы командного состава...» — писал по этому поводу В. И. Ленин.

В середине 1918 года школа была объединена со 2-й пулеметной школой и переименована в Московские советские пулеметные курсы комсостава РККА.

На всех фронтах гражданской войны советские командиры — выпускники училища — показывают образцы мужества и беззаветной преданности Родине.

Около двух тысяч командиров подготовили курсы в годы гражданской войны.

Кроме теоретических знаний курсанты получают в училище большой практический опыт. Командир ставит задачу разведчику на тактических занятиях. ↑

Быстро и бесшумно бойцы на лыжах добираются до огневого рубежа.

...ного офицера

В 1921 году курсы были реорганизованы в объединенную военную школу, а вскоре ей было присвоено имя ВЦИК.

Курсанты охраняли Кремль и благодаря этому часто видели В. И. Ленина. Кто учился в школе в те годы, с волнением вспоминает пост № 27 у квартиры В. И. Ленина. Не раз и сам Ильич бывал у курсантов. Свято хранят воспоминания об этих встречах с Владимиром Ильичем бывшие воспитанники училища. Бережно хранят рассказы об этих встречах молодые курсанты.

В 1924 году, после смерти В. И. Ленина, в память о великом вожде школа первая создала «ленинский уголок», а затем «ленинскую комнату», организованные впоследствии во всех армейских частях, на заводах, в клубах.

В том же году на вечере курсантов с исторической речью о В. И. Ленине выступил товарищ Сталин.

За успехи, достигнутые в подготовке комсостава, в 1938 году училище было награждено орденом Красного знамени.

Славные традиции школы крепли с каждым годом. И воспитанники ее всегда высоко держали честь советского оружия.

Курсанты училища героически дрались в битвах у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, в боях с белофиннами. Когда началась Великая Отечественная война, училище с удвоенной энергией стало готовить командиров, а в дни, когда гитлеровские полчища рвались к Москве,— все училище выступило на фронт.

53 курсанта, 30 командиров и политработников за оборону Москвы удостоились правительственных наград.

Мы гордимся тем, что некогда курсантами нашего училища были маршал бронетанковых войск Ротмистров, генералы Родимцев, Андреев, Попов, Синилов...

Сейчас училище стремится приумножить свои боевые традиции.

↓ Атака пехоты при поддержке танков

Но вот наступил вечер. Досуг курсантов заполнен многими интересными делами. Любители музыки собрались у рояля.

...Любители бокса тренируются в физкультурном зале.

...Но самое многолюдное место по вечерам — это читальня.

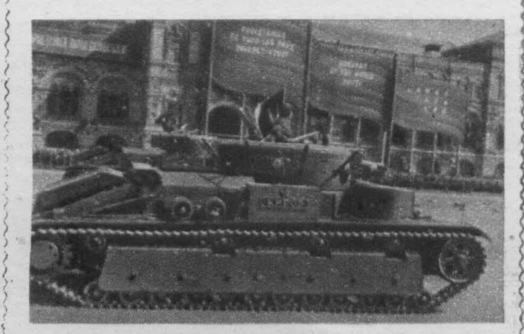
На Красной площади

1935

1936

1937

1938



1939

Самое дорогое

З. ХИРЕН

Представляете ли вы себе американского солдата, который перед боем пишет записку: «Если я погибну, считайте меня членом демократической партии», или, скажем: «Прошу принять меня в республиканскую партию, хочу пойти в атаку республиканцем». Смешно? Вам кажется, что в Америке это невозможно? Да. Не такие там партии стоят у кормила государства, чтобы за них шел умирать простой американец. Мы знаем, что нет сегодня в Америке солдата с идеей, которая была бы сильнее смерти.

— Хэлло, дружище,— вдруг обратился ко мне американец с надвинутой на самый лоб тяжелой каской, покрытой белой маскировочной сеткой,— есть и у нас парни! Я был в Испании, в батальоне Линкольна. Вы когда-нибудь слышали о высотах Харамы?..

Я был изумлен. Точно он следил за моими мыслями. Человек, произнесший эти слова, стоял рядом со мной. Он прислонился к высокой оцинкованной стойке и заказал себе стакан виски-сода. В отличие от своих товарищей — американских офицеров, которые при встречах с нами обязательно старались казаться рубахами-парнями, он выглядел несколько суровым. Если бы не зажатая между большим и безымянным пальцами потухшая сигаретка и непрерывное жевание резинки, с причмокиванием, я, пожалуй, принял бы его за шведа.

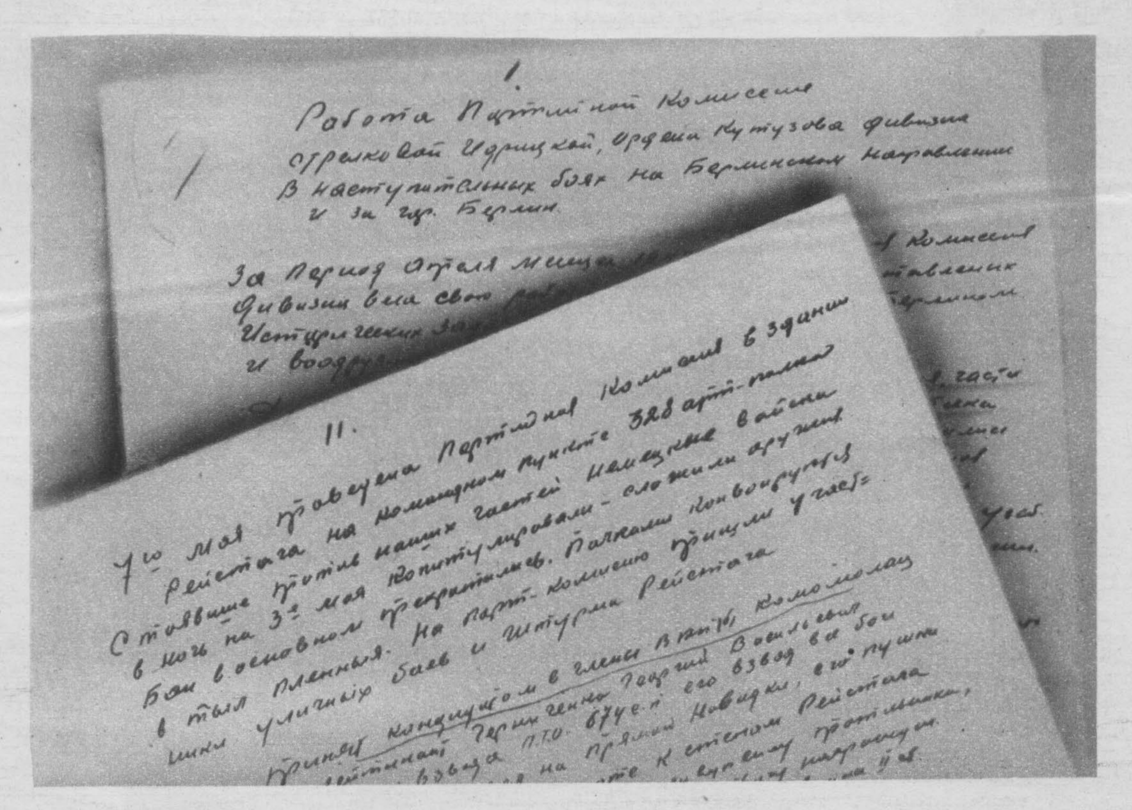
С тех пор как военные действия окончились и обе наши армии соединились в Нижней Австрии, это была моя третья или четвертая встреча с американцами. На этот раз она состоялась в Линце, на аэродроме, с которого непрерывно поднимались в воздух «летающие крепости». Когда гул моторов затих, американские музыканты исполнили «Звездное знамя», потом командующий армией, высокий, поджарый, в светлых замшевых брюках, в блузе, затянутой в талии, со стеком в руке, больше похожий на циркового наездника, чем на военного, отдал какую-то команду, и тотчас же музыканты замаршировали перед нами. Впереди них шел тамбур-мажор, который выделывал со своей толстой булавой такие невероятные и фантастические пируэты, что случись ему проглотить эту булаву, мы бы не удивились.

В конце концов это зрелище утомило нас, и мы уехали в город, в маленькую гостиницу «Вейцингер», где я и встретил человека со стаканом виски-сода.

Следует сказать, что предыдущие поездки к американцам на нас, советских офицеров, произвели довольно странное впечатление. Как правило, американцы принимали нас в неуютных, плохо прибранных, тускло освещенных помещениях. Угощали тоже не бог весть чем. Все угощение обычно состояло из скверного виски, от которого на версту разило аптекой, миниатюрных сандвичей с солониной, вяленой рыбой, протухшими крутыми яйцами и прочей дрянью. Когда приходилось встречаться с нашими новыми знакомыми, они всеми силами старались внушить, что чертовски устали от войны, что для нас, русских, война-де кончилась, а им еще предстоят тяжелейшие битвы в Японии.

Мы прекрасно знали о том, как воевали наши американские коллеги на Западе и как воюют они на Востоке. Удивляло другое. Американцы нас просто удивили своей невероятной деловитостью. В минуты откровения они, перебивая друг друга, делились своими послевоенными планами. Главное место в этих планах занимали торговля, сделки, черные биржи. Однажды — это было как раз в день, когда по случаю полной капитуляции германской армии на суше, море и в воздухе — мы собрались за общим столом, чтобы выпить за победу. Для нас это была счастливейшая минута в жизни. Мы готовы были простить американцам все их маленькие слабости, но одного мы не хотели в эту минуту — слышать нудные разговоры о бизнесе. Когда мой сосед, американец в чине капитана, открыл рот и заговорил о производстве подтяжек, терпение мое лопнуло, и я пересел на другой край стола.

Вот почему меня так изумил американец в



1.
Работа Партийной Комиссии
стрелковой Идрицкой, ордена Кутузова дивизии
в наступательных боях на Берлинском направлении
и за гр. Берлин.

II.
7-го мая проведена Партийная Комиссия в здании
Рейхстага на командном пункте 328 арт-полка.
Ставшие против наших частей немецкие войска
в ночь на 3-е мая капитулировали — сложили оружие.
Бои в основном прекратились. Полками конвоируются
в тыл пленные. На парт-комиссию принимаются участ-
ники уличных боев и штурма Рейхстага.
Принят кандидатом в члены ВКП(б), комсомолец

Протокол заседания партийной комиссии Н-ской стрелковой дивизии, заседавшей 7 мая 1945 года в Берлине, в помещении германского рейхстага. На повестке дня прием в партию.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПАРТИЙНЫЙ БИ[illegible]Т

№ 2535823

Фамилия: Никулин

Год рождения: 1911

Наименование организации, выдавшей билет

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Партбилет члена ВКП(б) А. А. Никулина, убитого в бою против немецко-фашистских войск.

Линце, который сам, по своей собственной инициативе, вдруг заговорил со мной о батальоне Линкольна.

Джордж Х., я назову его так, хотя его настоящее имя записано у меня в блокноте.

— Скоро,— сказал Джордж, отпивая маленькими глотками виски,— о нас, американцах, будут говорить: «Ах, американцы — это те, которые не знают, что такое отечество».

— Не о всех,— поправил я своего собеседника,— ведь вы сказали, что есть у вас настоящие парни.

В накуренном зале гостиничного холла старинная немецкая музыкальная машина исполняла вальс из «Фауста», и все невпопад подпевали. Мой собеседник наклонился поближе, чтобы я мог его услышать:

— Но после смерти старика Франклина на таких ребят стали показывать пальцем... Я не стану распространяться, но кое-кто в Америке стал побаиваться вот этого,— и Джордж достал из своего кармана красный платок.

— Я вижу по вашим глазам, вы удивлены: американец, и вдруг завел с русским такой странный разговор. Вы приехали из Москвы, пьете с американцами виски в Линце и уверены в том, что головы всех американцев начинены только мыслями о том, где раздобыть побольше долларов. После Испании я побывал на этой войне. Я встречал ваших парней на аэродроме под Полтавой. До ранения я был летчиком. Там, под Полтавой, я кое-что узнал. У вас солдаты и генералы состоят в одной партии, которая им дороже самой жизни...

Я слушал на Дунае, в глубине Европы, в городе Линце, в начале счастливого месяца мая 1945 года американца, который думал о жизни не так, как большинство его товарищей.

За последний месяц я неплохо изучил бизнеменов и понял: американская армия так воспитана, что если она уж сражается, то не за высокие идеи. Рассеянно слушая американца, я вспомнил далекий июльский рассвет на берегу Японского моря. Здесь, вдали от Родины, мне особенно дорого было об этом вспомнить. Перед глазами встал маленький городок Посьет, раскинувшийся на высоком берегу залива. Именно в тех краях я впервые прочитал записку, обагренную кровью, записку, которая тогда потрясла меня:

«Мне 28 лет, прожил я еще немного, но всю эту небольшую жизнь я честно работал для Родины, для народа. Мыслями, всем своим существом я давно в большевистской партии. Теперь, когда я защищаю границу от вражеского полчища, я хочу быть коммунистом. Прошу принять меня в ряды ВКП(б). И если вражеская пуля сразит меня на поле битвы, прошу считать меня большевиком».

Написал это заявление лейтенант Федор Глотов — командир курсантского взвода. В то время когда Глотов дрался на высоте Заозерной, Посьет проснулся посреди ночи от непривычных для слуха оглушительных взрывов. В низеньких домиках с железными оградами, на которых вечно сушились рыбацкие сети, зажглись огни, заплакали дети. Полураздетые люди выбегали на улицу и смотрели вдаль, на зарницы. Наутро партийное бюро в окопе разбирало заявление лейтенанта. Читали, пригнув головы к самой земле. Прений не было. Лейтенанта все знали, особенно хорошо он проявил себя в бою. Партбюро постановило: принять Глотова кандидатом в члены ВКП(б). Но на партийном собрании, где Глотову должны были вручить партийный билет, произнесли только имя героя. Глотов пал смертью храбрых, ведя своих бойцов на штурм высоты. Многие слышали его последние слова:

— Вперед, на Заозерную!

Я подумал, если рассказать сейчас американцу обо всем этом, поймет ли он, в чем сила нашей партии, поймет ли он, чем партия является для советских людей, почему именно советские воины спустя семь лет после боев на Хасане, 30 апреля 1945 года, водрузили знамя Победы над рейхстагом в Берлине, почему именно Советская Армия, и никакая другая, заставила немцев капитулировать...

Красное знамя, обагренное кровью, изрешеченное пулями, влажное от дождей, реяло тогда на вершине Заозерной. Точно скульптурная группа, тесным кольцом сгрудились вокруг него, среди острых камней, на скалистой вершине, наши бойцы. С этим знаменем шли они в атаку, его привезли на передовые позиции те самые посьетские рыбаки, которых за несколько дней до этого разбудила посреди ночи артиллерийская канонада. Я вспомнил, как перед боем наши воины клялись водрузить знамя и каждый касался губами красного стяга. И позднее, в годы Отечественной войны, гвардейцы, становясь на колено, также подносили алый стяг к губам, давая гвардейскую клятву.

В малой войне на Хасане зародились традиции, которые в последующих боях за Родину были приумножены. Когда в те дни я спросил в полку, где воевал Глотов: «Кто у вас отличился в последнем бою?» — мне ответили: «Лейтенант Мошляк, он был впереди».

Тогда же я познакомился с лейтенантом, совсем молодым человеком, секретарем партийного бюро стрелкового полка. Это ему Федор Глотов подал заявление в партию. А позднее, когда ранили командира батальона, Мошляк принял командование.

Недалеко от этого полка расположился штаб дивизии. Перед боем командир дивизии, полковник Николай Эрастович Берзарин, выступил на партийном собрании. Сжимая свою маленькую, но сильную руку в кулак, он сказал:

— Помните, что за высоту Заозерную, за Хасан, мы, коммунисты, отвечаем перед партией, перед Сталиным.

Шли годы, и я, встречая своих старых друзей, узнавал все новые и новые черты их биографий. Какое это было счастье — вдруг на войне, где-нибудь в Вене или Будапеште, встретить товарища, которого в последний раз видел в бою в степях Монголии, в снегах Финляндии, под Ростовом или Сталинградом! На душе сразу становилось светлее. О чем только не говорили мы при этих встречах!..

20 августа 1944 года. Холодный рассвет. Дорога проходит через возвышенности, обросшие лесом, через долины. Всюду царит удивительная тишина, точно война кончилась. Но нет, это — затишье перед бурей, да еще перед какой бурей! Началось наступление на Яссы. С каждого километра земли одновременно открыли огонь десятки орудий. Точно огненные волны покатились перед глазами.

— Какая часть впереди? — спросил я у командующего армии на наблюдательном пункте.

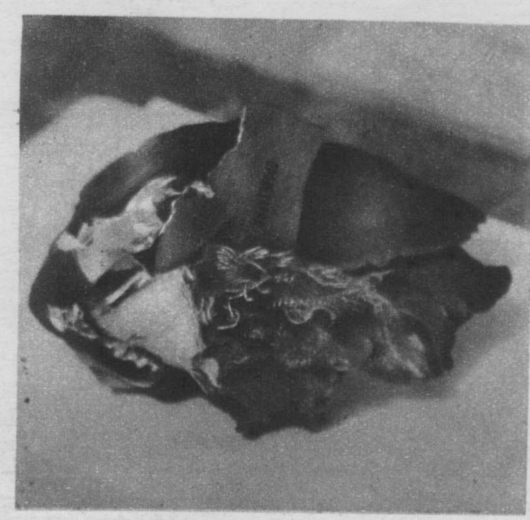
— Дивизия полковника Мошляка, пожалуй, вы его теперь не догоните...

Разве только с одним Мошляком произошли такие перемены? Собственно, особых перемен с ним не произошло. Из уст командующего я лишь узнал, что коммунист Мошляк остался таким же, каким и был. Ведь на Хасане, при штурме Заозерной, он тоже был впереди. Изменились масштабы, воинское звание. Но коммунист Мошляк не терял даром и мирное время: он учился, кончил Военную академию — вот и стал полковником.

Так я узнавал о судьбах сотен армейских большевиков. Кто же не знает, что первым военным комендантом Берлина был коммунист Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, тот самый Берзарин, который на Хасане на партийном собрании перед боем давал напутствие коммунистам и говорил об ответственности перед партией, перед великим Сталиным! На этот раз, командуя армией, Берзарин штурмовал Берлин. Он завоевывал победу в течение всех четырех лет войны.

Это лишь крупицы тех героических подвигов, которые совершили армейские большевики в этой войне. Зайдите в залы Центрального музея Красной Армии. Здесь вы узнаете о событиях, которые никогда не забудет человечество, здесь все говорит о неустрашимом духе советских воинов.

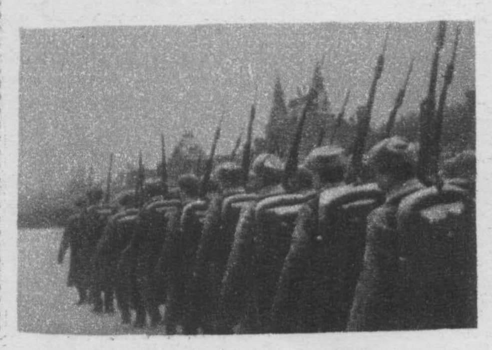
Со стен на нас смотрят знакомые и близкие лица. Вот Иван Васильевич Панфилов. Ему не довелось дожить до наших мирных дней, когда партия, организуя самоотверженный труд



Кандидатская карточка старшего лейтенанта Гаморьяна с осколком термитного снаряда.

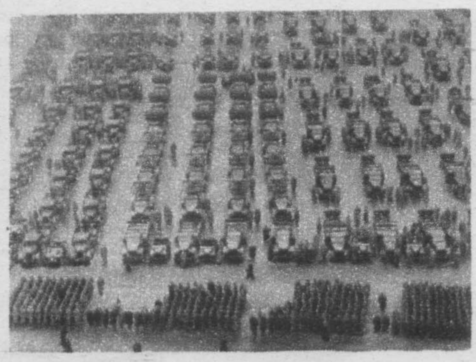
На Красной площади

1940

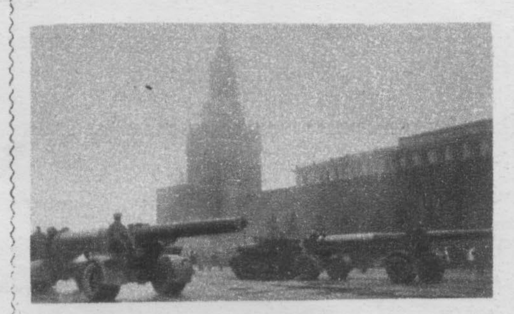


1941

1945



1946



1947

советских людей, направляет движение советского общества к коммунизму. Вот его партийный билет — № 291274. Иван Васильевич состоял в партии с августа 1920 года. Партбилет выдал ему политотдел стрелковой дивизии. Генерал погиб под Москвой. Когда об этом стало известно, дочь его Валя находилась в нескольких километрах от отца, под Волоколамском, перевязывая рану солдату. Я помню, как она прибежала в бревенчатый дом, где лежал отец. Я помню, как она затем в этом же здании музея стояла в почетном карауле у гроба отца и на боку у нее был маленький револьвер, оставленный дочери-коммунистке-воину отцом-коммунистом-полководцем.

Вот грамота Героя Советского Союза Ивана Васильевича Панфилова, и тут же письмо, написанное рукой Михаила Ивановича Калинина жене Героя:

«Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения, как память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

И почти в это же время, в эти же грозные для столицы нашей Родины дни, в Москве на заседании бюро Коминтерновского райкома ВЛКСМ слушали: «о даче рекомендации для вступления кандидатом в члены ВКП(б) Ковшовой Наталье Венедиктовне, год рождения 1920, образование среднее, в комсомоле с 1938 года, боец рабочего батальона.

Постановили: рекомендовать Ковшову для вступления в кандидаты ВКП(б), как активного комсомольского работника и замечательную патриотку».

Я видел эту девушку в те дни под Москвой. Держа лыжи в руках, она вместе со своей подругой получала боевое задание. Теперь я читаю в витрине музея письмо, посланное ею бабушке:

«Никогда не сверну с дороги перед лицом опасности и буду бить гадов в упор, буду посылать пулю за пулей в их скверные головы, начиненные безумными мыслями о нашей родной Москве, о господстве над нами — свободным, гордым и смелым народом».

Наталья Ковшова сдержала свое слово: вместе с войсками Советской Армии она участвовала в разгроме немцев под Москвой. Позднее в неравном бою, отражая многочисленные атаки врага, молодая коммунистка отдала жизнь за Родину. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот еще одна записка. Она составлена ополченцем Ляховым под Сталинградом:

«Третий раз получен приказ наступать на разъезд. Сейчас возьмем или умрем. Передайте товарищу Сталину, что, не щадя жизни, отдам ее за дело Сталина и ничуть не пожалею. Если б я имел пять жизней, то без колебаний все пять отдал бы за него. Такой он для меня дорогой человек».

Под стеклом кусок развороченного металла. Внимательно приглядитесь к нему: из металла торчит уголок коленкоровой книжечки. Можно даже разобрать буквы на ней. Это обложка кандидатской карточки. Она принадлежала старшему лейтенанту Арташу Александровичу Гаморьяну.

29 августа 1942 года в боях за деревню Леоново рота Гаморьяна в течение суток дважды ходила в атаку. Вражеским термитным снарядом была пробита башня машины, в которой находился Гаморьян. Экипаж продолжал сражаться. Раненый старший лейтенант управлял боем. Второй термитный снаряд попал в лобовую часть танка, и осколок его вонзился в грудь Гаморьяна, вырвав кандидатскую карточку, которую Гаморьян до конца своей жизни держал у сердца.

Нет, перед нами не почерневший кусок металла: перед нами сердце большевика, отдавшего жизнь Родине.

Многие советские юноши, открывая свои партийные билеты, с гордостью скажут:

— Этот партийный билет мне вручали, когда мы освобождали Варшаву, Прагу, когда дрались за Будапешт, когда входили в Белград, когда водружали знамя Победы в Берлине. И разве не символично то, что в момент штурма рейхстага в темном подвале при свете огарка принимали в партию лейтенанта командира взвода Кашкорбаева Рахимжана?! В своем заявлении он писал: «Прошу первичную парторганизацию принять меня из кандидатов в члены ВКП(б). Желаю штурмовать рейхстаг членом партии. Высокое звание коммуниста оправдаю с честью».

— «Кашкорбаев Рахимжан, 1924 года рождения, казах, прибыл в полк из пехотного училища, — читал секретарь партийной комиссии стрелковой дивизии Илларион Зенкин, — участвовал в прорыве обороны немцев на реке Одер, форсировал с боями водные препятствия на пути к Берлину. В уличных боях гранатами и огнем из автомата выкуривал из подвалов домов засевших немцев».

Парткомиссия вручила Кашкорбаеву партийный билет. И уже через несколько минут, когда читали следующее заявление, кто-то подбежал к окну и громко произнес:

— Смотрите, смотрите: Кашкорбаев уже повел свой взвод на штурм рейхстага!

Следующее заседание партийной комиссии состоялось 7 мая в здании рейхстага.

* * *

После встречи с американцами в Нижней Австрии я вновь их увидел в Берлине. На почерневших от взрывов и пожаров, изрешеченных пулями и осколками снарядов толстых стенах и колоннах рейхстага я прочитал множество надписей. Их наносили наши воины углем, краской, штыками. Казалось, что весь советский народ оставил на этих стенах свой автограф.

Взволнованный всем виденным, я вышел на Королевскую площадь и здесь повстречался с американцами. Они стояли возле императорского дворца, возле памятника Вильгельму, у музея египетских мумий — повсюду. Лица американцев были возбуждены. Они что-то выкрикивали. Подойдя ближе, я убедился, что возле рейхстага происходит бешеная торговля всем — от банок со свиной тушонкой до штабных автомобилей. Американский сержант, что-то таинственно шепнув мне, раскрыл портфель, доверху набитый перчатками на байковой подкладке.

— Не по сезону товар,— не без юмора заметил мой шофер.

Какой-то толстый американец настойчиво предлагал мне купить у него будильник.

— Гебен вексель! Гебен вексель! — кричали, как ошалелые, два американских офицера, предлагая обмен крупных оккупационных купюр на мелкие...

Скажу по совести, мне в эти минуты было до глубины души обидно за тех американцев, которые так быстро забыли о тысячах своих братьев, пожертвовавших жизнью в борьбе с фашизмом. Я слышал, я знал, что не все американцы такие. Я вспомнил своего милого собеседника Джорджа в гостинице Линца и подумал: разве не тысячи таких парней, сражавшихся честно и благородно с фашизмом, надеялись, что на другой день после окончания войны дела у них в Америке, пойдут по-иному?!

Таких, как Джордж, нельзя было встретить в этой толпе.

Вдруг толпа бизнесменов расступилась, давая дорогу кавалькаде блестящих лимузинов, в которых важно восседали американские дипломаты.

Я смотрел на толпу совершенно обезумевших торгашей в военных мундирах. Это были живые идеи, экспортируемые американцами в послевоенную Европу. Базар на площади, еще не остывшей от боя, базар на могилах, еще не заросших травой,— базар всюду, только базар, только спекуляция.

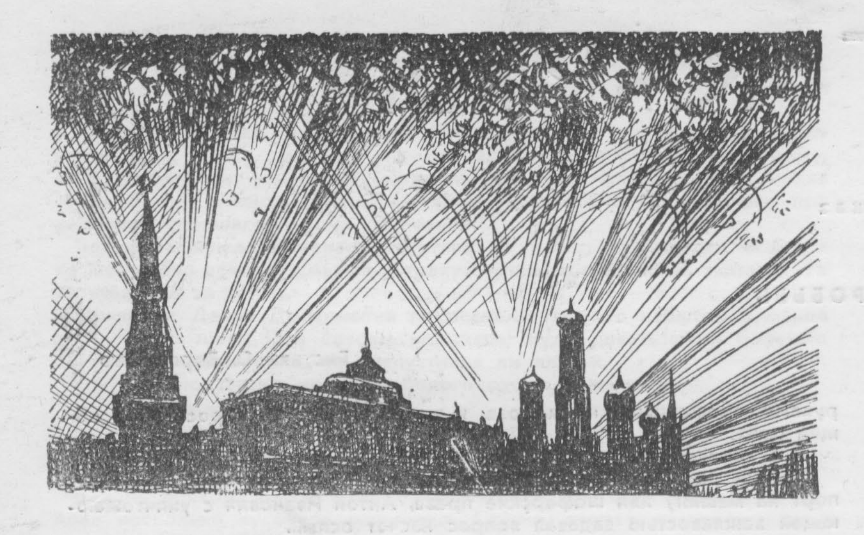
Не прошло еще и трех лет. Теперь уже все знают, все увидели. Народы Европы не хотят пойти по пути, который предначертали им американские лавочники. Лавочники никогда не владели идеями. Нет, не по звукам «Звездного знамени» изголодались народы Европы, не по выкрикам спекулянтов на площадях, не по черным биржам!

Другие пути избирают себе после войны народы Европы. Пути эти ведут к коммунизму.

5 ноября 1944 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинин вручил орден «Победа» товарищу И. В. Сталину, награжденному за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Красной Армии, приведших к крупнейшему поражению германской армии и к коренному изменению положения на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в пользу Красной Армии.

Одновременно товарищу И. В. Сталину в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года о награждении орденами и медалями генералов, офицеров и сержантского состава сверхсрочной службы за выслугу лет в Красной Армии был вручен орден Красного знамени.

БЕСЕДА
О СТАЛИНЕ
НА КРЕЙСЕРЕ.
1947 ГОД.
Фото М. Редкина.



Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

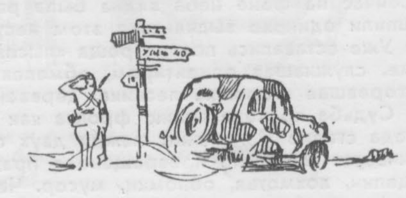
Солдатская легенда о первом салюте

Рисунки А. Кокорина

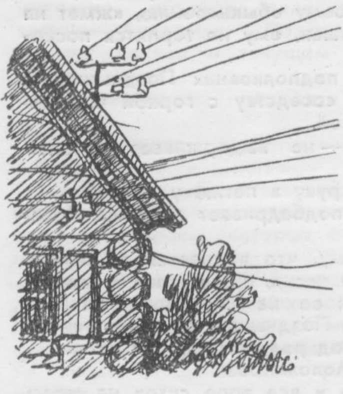
Ночью звездной, морозной
На машине колхозной
Ехать выпало нам
По болотным настилам,
По калининским милым
Пострадавшим краям.
И шофер засыпает,
И мотор закипает,
Все пути замело.
Не доедем до Ржева!
Наше счастье, что слева
Показалось село.

Сквозь замерзшие окна,
Как льняные волокна,
Электрический свет.
Входят в чистые сени
Наши толстые тени,
Мы за ними вослед.
Книжек полные полки,
И плакаты в светелке,
И раскрытый альбом.
В порыжевшей, потертой
Боевой гимнастерке
Человек за столом.
Коль судить по медалям,
Знал он дальние дали,
Сталинград и Белград.
Как давно здесь живете,
Чем на новой работе
Правит бывший солдат?
Возле печки расселись,
Покурили, согрелись,
Подружились за час,
И гвардейский начальник
Хорошовской читальни
Начинает рассказ:
«Наш дом — не простая изба,
И все здесь историей дышит.
Быть может, отчизны судьба
Решалась под этою крышей.
Конечно, когда-то была
Изба никому не известна,
Здесь жизнь потихоньку текла,
И яблони, словно невесты,
Весною стояли в саду,
Пока не срубили их немцы.
Мы лишь в сорок третьем году
Прогнали отсель чужеземцев,
Но многострадальной земли
Не кончились горькие муки.
Стучала бомбежка вдали,
Дымились Великие Луки,
Багровый пылал горизонт,
Гудели вверху самолеты,
И шли мимо дома на фронт
Полки пропыленной пехоты.

Был август. Какого числа?
Четвертого — в точности знаю.
Проселком сюда подошла
Пятнистая эмка штабная.



Неспешно взошел на крыльцо
Товарищ походкой упругой,
Которого знает в лицо
Народ как великого друга.
Да, это не сказка, не сон,
Соседи и жители дома
Все видели: это был он,
В фуражке и с трубкой
знакомой.
Со всех направлений сюда
По бурому волжскому склону
Пошли провода, провода,
Сходясь к одному телефону.
Был картой накрыт этот стол,
От моря до моря — пределы.
На Белгород и на Орел
Направлены красные стрелы.
Он думал... Он трубку курил...
Был свет этой лампы уютен.
Из Прохоровки звонил
Сюда незабвенный Ватутин,
Еще он не ведал о том,
Что Ставка у самого боя,
Что он говорит не с Кремлем,
А с этой вот русской избою.



Что вождь наш стоит у окна
И слышит, как грохает пушка.
Ему у дороги видна
Сосенка с отбитой макушкой.
Идут по дороге войска.
К великому морю победы,
Солдаты текут, как река,
От пыли ресницы их седы.
...Есть свойство у добрых вестей:
Их скрыть от друзей
невозможно,
Они пролетят в высоте,

Пройдут по земле осторожно,
И в каждое сердце зайдут,
И верой в победу согреют.
Известье, что нынче он тут,
Дошло до передней траншеи,
И, левым склонившись плечом,
Почувствовав в горле комочек,
Об этом запекшимся ртом
Соседу сказал пулеметчик.
Услышал и правый сосед,
Сказал он: «Верховный приехал!»
«Приехал!» — катилось как эхо
На стыке невзгод и побед,
И Ленин, прищурясь, смотрел,
Взойдя на гвардейское знамя,
Как фронт ликовал и гремел:
«Он здесь! Он приехал! Он
с нами!
Сейчас он в траншею прошел!
Нет, он у комбата в землянке!»
...Пехота вступает в Орел,
Врываются в Белгород танки.
А он в это время стоит
На нашем скрипучем крылечке.
Немецкий разведчик летит,
Развесив ракеты, как свечки,
И длинные трассы за ним
Пускают с земли пулеметы,
И кажется небо цветным
В бегущем огне позолоты.
И думает, может быть, вождь,
Смотря на военное небо:
«Ракет ослепительный дождь
Устроить сегодня в Москве бы,
Салютом сказать боевым,
Орудий торжественным боем
Свою благодарность живым
И славу погибшим героям».
Приказ вот за этим столом
Он пишет солдатам бывалым,
Он пишет своим генералам,
Что в маршалы выйдут потом.
И первый московский салют
В ночь пятого августа грянул,
Как было написано тут
Тогда, на рассвете багряном.
А днем он уехал в Москву,
Иль дальше по фронту куда-то.
...Я в доме недавно живу,
Как знамя, вручен он солдату.
На память о времени том
Колхоз здесь устроил читальню.
И стал я при ней избачом,
Закончив победу на Дальнем.
Дружок! Не заметил ли ты
В калининской нашей сторонке
Кремля дорогие черты
В любой деревенской избенке?»

Мы застыли в молчанье,
И ветров завыванье
Перервалось в трубе.
Средь тепла и уюта,
Словно после салюта,
Стало тихо в избе.
Нет, здесь не было чуда,
Но, должно быть, отсюда
В наступленье пошла
Та легенда-былина,
Что до центра Берлина
Наше войско вела:
«Сам приехал — наш славный,
Наш Верховный и Главный, —
Прибыл он из Кремля,
С нами горе, и беды,
И волненье победы
По-солдатски деля».
...Понемногу светало,
И шофер наш усталый
Буркнул: «Двинемся в путь».
Молча вышли наружу,
В синеватую стужу,
В заметенную муть.
Мы по белой метели
Как на крыльях летели
Мимо школ и садов
И отстроенных снова
Пятистенных сосновых
Мирно спящих домов.

Ты возникла из пепла,
Поднялась и окрепла,
Чтоб над миром сиять,
Сколько ты испытала,
Лишь прекраснее стала,
Наша Родина-мать!
Спи в снегах и морозах
И не бойся угрозы,
Твой спокоен рассвет.
Помнит ворог наш лютый,
Как сияют салюты
В честь советских побед!

Ржев — Москва
1947—1948.

КВАДРАТ КАРТЫ

Рассказ

Евгений **ВОРОБЬЕВ**

Рисунки О. Верейского

Тени берез ложатся на дорогу смутными пятнами, и от этого выбоины мало заметны: они тоже походят на тени. Машину подбрасывает и трясет, но Антон Иванович, по своему обыкновению, «жмет на всю железку». Его раздражает этот большак, ему не терпится поскорее выбраться на шоссе.

Рядом с Антоном Ивановичем сидит подполковник Позднышев, а на заднем сиденье, в затылок ему, по соседству с горкой чемоданов и запасных бачков, устроился Луговой.

— Однако дорожка, доложу я вам,— не выдерживает наконец Луговой, подброшенный на ухабе.

Он глубоко, почти по локоть, засунул руку в петлю у оконца.

— Ничего, скоро выедем на шоссе, — подбадривает спутника Позднышев.

Уже притупилось любопытство ко всему, что виднеется за окном. Все, о чем хотелось сказать, сказано. Все песни, пришедшие в голову, спеты. Луговой затягивал песню, бросал ее на полуслове, начинал вторую и перебивал сам себя третьей, а Позднышев со свойственной ему обстоятельностью пел все куплеты под ряд, помнил все слова.

Луговой вспомнил уговоры генерала Моложатова:

«Ну, что за охота трястись двое, а то и все трое суток на моем драндулете? Да еще мотор плохо тянет. Когда можно сесть в мягкий вагон. Почиваете себе, как граф, а курьерский, знай, мчит. «Только версты полосаты появляются в окне». Позднышев — другое дело: он человек военный. А вы здесь при чем? Ведь всю душу вытрясет! Запылитесь до самой печенки, до мозга костей! Что вы, на наших учениях пыли вдоволь не наглотались?» «Никак нет, не наглотался,— пытался отшутиться Луговой. — Только вошел во вкус». «Хуже нет, как со штатскими спорить. И главное — приказать нельзя. Надел шляпу — с него и взятки гладки...»

Позднышев только что сдал полк и едет в Москву, в академию. Инженер Луговой, в прошлом командир саперного батальона, возвращается туда же. Луговой провел отпуск у друзей-фронтовиков, в живописном белорусском городке, где стоит дивизия...

Пыль, горячая и душная, клубится над дорогой. Каждая повозка, машина оставляют позади себя пыльную завесу, и Антону Ивановичу поневоле приходится сбавлять газ. Все машины, подводы выкрашены в серый цвет, все лошади серой масти, все люди одеты в серое. Обычно глянцовитые, будто смазанные жиром, листья придорожной ракиты стали матовыми и никнут под тяжестью вездесущей пыли. И даже вода в ручье, пересекающем дорогу, потускнела, так что ручей походит на запыленное зеркало.

Шляпа Лугового и пиджак тоже стали серыми. Пыль лезет в рот, в нос, в уши, платок и воротничок черны,— и все-таки как уютно в этой тряской машине, подпрыгивающей на выбоинах!

Когда они добрались до шоссе, Антон Иванович уступил место Позднышеву. Он оказался любителем лихой езды. Это никак не вязалось с его спокойными глазами и губами, с неторопливой походкой и жестами.

На шоссе трясло меньше, пыль улеглась, и повеселевший Луговой снова затянул: «Пора в путь-дорогу, в дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем...»

— А что если завернуть в наши Замошенцы? — неожиданно предложил Позднышев.

— В Замошенцы?

— Ну, да. Ночевать все равно где-нибудь придется. Подумаешь, тридцать километров в сторону. Час туда, час обратно.

Антон Иванович нахмурился и сделал вид, что очень внимательно вглядывается в ветровое стекло.

— Антон Иванович сердится,— заметил Луговой.

— При чем тут «сердится»? — проворчал Антон Иванович. — Легко сказать: час туда, час обратно... Вы что, тех дорог не знаете? Вот сядем где-нибудь на Княжьем болоте и будем сидеть, как кулики.

— Надо насчет моста узнать. В райисполкоме, что ли,— предложил Позднышев.

— И прямо к бабушке Василисе, — мечтательно добавил Луговой. — Ставь, бабка, самовар, вари картошку, давай сюда сметану, жарь яичницу, да побольше калибром, принимай старых жильцов: майора Васю, да майора Алешу, да Антона Ивановича, гвардии сержанта...

Антон Иванович уже и сам непрочь был заехать в Замошенцы, но продолжал сосредоточенно смотреть на дорогу: «Ничем вы меня не купите».

— В Замошенцы, так в Замошенцы, — сказал он с притворным безразличием. — Конечно, если Лучеса позволит...

Районный центр вытянулся вдоль шоссе. Оно служило главной улицей поселка и разрезало его на две части.

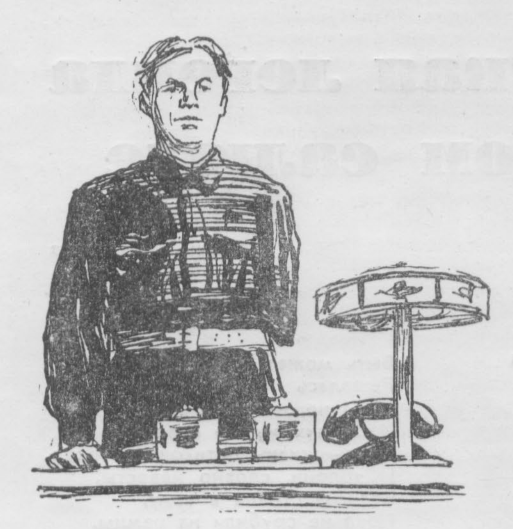
Когда-то на подъезде к поселку находился контрольно-пропускной пункт. Командир дивизии Моложатов приучил себя спать находу, и Антон Иванович с особенным шиком, придерживая баранку «виллиса» одной рукой, отвечал за полковника на приветствия регулировщиц.

Луговой вспомнил этих девушек с вечно обветренными лицами и руками, обоженными на морозе, и вдруг язвительно спросил под общий смех:

— А справка насчет оспы вам не потребуется?

Каждый раз, когда регулировщица, кроме путевки, требовала паспорт на машину или шоферские права, Антон Иванович с уничтожающей вежливостью задавал вопрос насчет оспы...

Быстро мелькали дома поселка, неуютно стоявшие двумя пыльными шеренгами вдоль шоссе. У здания райисполкома Антон Иванович резко затормозил, вспугнув лошадей у коновязи.



Позднышев вошел в кабинет к председателю райисполкома. Из-за стола поднялся моложавый крупнолицый человек в синей суконной гимнастерке не по сезону, с пустым рукавом, заткнутым за ремень. Над левым карманом виднелся значок депутата Верховного Совета Белорусской ССР.

— Кременец. Чем могу служить?

— Позднышев. Простите, что потревожил. Скажите, пожалуйста: проедем мы отсюда в Замошенцы?

— Конечно.

— А мост через Лучесу?

— В порядке. Дорогу к мосту найдете?

— Дорогу я, как свои пять пальцев, знаю.

Кременец пристально вгляделся в лицо Позднышева:

— Из местных?

— Воевал долго в этих местах.

— А то могу начертить маршрут в Замошенцы. Чтобы кратчайшим путем добраться.

— Спасибо, дорогу я знаю.

Позднышев подошел к стене, на которой висела карта Белоруссии.

— Десятикилометровка, — определил он. — Для летчиков хороша. Или в школе географию изучать. А ездить с ней — не дай бог.

— Другой картой не обзавелись.

Кременец отвел руку в сторону так, будто указывал Позднышеву на что-то. Жест остался от того времени, когда Кременец еще мог сокрушенно развести руками.

Позднышев обещал заехать на обратном пути и торопливо попрощался.

— Переправа есть, — объявил он, усаживаясь в машину.

— А раз переправа есть, нам сам чорт не страшен, — повеселел Антон Иванович.

За краем поселка машина свернула на проселок.

Луговой ерзал на сиденье и вертел головой во все стороны.

— Видите слева деревню? Аксиньино!

— Правильно! А за ней горелая роща, — подсказал Позднышев.

— Правильно! На западной опушке КП твоего полка находился.

— Точно! — подтвердил Антон Иванович. — Мы туда с комдивом всегда во-о-от по той ложбинке подъезжали...

Было время, когда лес стоял на горизонте темнозеленой стеной. Сейчас на фоне неба видна была рваная зубчатая кромка. Хвойные шпили одиноко высились в этом лесу, вырубленном снарядами.

Уже оставались позади роща «лысая», игрекообразная сосна на холме, служившая ориентиром, обмелевшие, заросшие травой траншеи, сгоревшая сторожка лесника, деревенька Непряхино.

Судьба провела линию фронта как раз через эту деревеньку. Полгода стояло Непряхино между двух огней. Здесь не осталось ничего живого: все было превращено в прах, тлен, головешки, пепел, золу, щепки, лохмотья, обломки, мусор. Черные скелеты печей и те были расстреляны из пушек прямой наводкой и размолоты в щебень. Когда весной здесь сошел снег и обнажилась земля, то вся она, как битое стекло, поблескивала под лучами солнца. Нельзя было сделать и шага, не наступив на осколок или гильзу.

Антон Иванович сбавил ход. Не настолько плох был проселок, или, как здесь говорят, путинок. Хотелось приглядеться к знакомым местам.

За хутором Мокрый Верх блеснула посеребренная излучина Лучесы, и доски ветхого наплавного моста гулко запрыгали под колесами.

Вторая с краю изба, знакомая изба с крутыми скатами крыши. Стреха, или, как здесь ее называют, запесошница, сильно выдается вперед.

Увидев в дверях Позднышева, бабка Василиса остолбенела, потом вскрикнула: «Вася, майор!» — и собралась было броситься к нему, но в этот момент узнала, несмотря на штатское, Лугового, едва успела воскликнуть: «Майор, Алеша!» — как окончательно растерялась при виде подоспевшего Антона Ивановича.

Бабка Василиса принялась носиться по избе, переставляя с места на место без всякого смысла и толку горшки и табуретки, хватаясь то за ухват, то за веник.

Дочка ее Дарья Дмитриевна покраснела так, что избыток румянца залил даже шею. Она совсем не знала, куда девать свои большие руки, и все проверяла, не распустился ли платок.

Луговой подхватил на руки белоголового Стасика:

— Ну, Стасик, узнаешь меня?

— Ну, узнаю, — неуверенно пробормотал Стасик.

— Помнишь, как ты с сахаром знакомился?

— Ну, помню.

В день прихода наших в деревню Луговой протянул Стасику на ладони несколько кусочков рафинада. Стасик сперва с недоумением смотрел на эти белые квадратные камешки, потом боязливо взял и принялся играть ими. Он и не подозревал, что камешки сладкие...

В избе становилось все многолюднее. Легковая машина всполошила деревню. А когда узнали, кто приехал, все, наскоро приодевшись, повалили во двор к Жерносекам.

Штаб полка, которым командовал Позднышев, простоял в Замошенцах несколько месяцев. Дивизию тогда вывели во второй эшелон, и она пополнялась, приводила себя в порядок и готовилась к прорыву немецкой обороны юго-восточнее Витебска.

Прошло три года, но многие, особенно женщины, узнавали Позднышева. Лугового в его штатском костюме узнавали труднее.

На пороге вновь появился Антон Иванович. Он особенно лихо козырнул и отрапортовал:

— Машина на соседнем дворе, под навесом. Сторож выделен. Какие будут распоряжения?

— А как у вас с ужином, ночлегом?

— На старую квартиру определился.

— Даже не сомневайтесь, — тотчас же донесся из сеней удивительно мелодичный женский голос.

— Тогда вы свободны, — улыбнулся Позднышев. — Можете отдыхать.

— Есть отдыхать!

Антон Иванович снова козырнул, ухарски повернулся на каблуках и исчез в сенях. Как всякий сверхсрочник, Антон Иванович хотел показать всем, и прежде всего демобилизованным, что значит настоящий служака.

— Заходите, заходите! Что вы там в сенях хоронитесь? — не уставала приглашать бабка Василиса.

Потом гости зашушукались, засуетились, попятились к двери и исчезли. Дарья и бабка Василиса собирали на стол, покрытый льняной скатертью. Уже отпотевали крынки с молоком, принесенные из погреба, уже шипела на загнетке сковородка с глазуньей из двузначного числа яиц, уже ждало на столе блюдо с холодцом. Капуста и соленые огурцы стояли, как им и полагается, по соседству с водкой.

Гости и хозяева расселись за столом, причем Позднышева усадили в красном углу.

В этот момент на пороге появился черноволосый, взлохмаченный человек в вылинявшей добела гимнастерке.

— Сова и ночью кур видит, — сказала бабка Василиса.

— Здравия желаем, с похмелья помираем! — очень громко ответил вошедший и уже потом представился: — Михайло Степанович Метельский, председатель замошенской советской власти.

Он уселся рядом с Позднышевым и с места в карьер попросил:

— Бабы гуторят, — рассказчик ты больно хороший. Может, сделаешь вечером доклад о текущем моменте?

— Согласен.

Дядя Михась разлил водку по стаканам и громоподобным голосом провозгласил:

— За освободителей и защитников нашей жизни, за Советскую Армию, за солдат, сержантов, старшин, офицеров, генералов и адмиралов!..

Дядя Михась тяготел к торжественным словам.

— Та-ак... В академию? Учиться? Ну что же, это можно, — важно разрешил дядя Михась. — Значит, академиком будешь. Это нам требуется...

Затем дядя Михась повернулся к Луговому и строго взглянул на него:

— Ты своему министру скажи, чтобы он про Замошенцы не забывал. И нам электричество требуется. Спим и во сне видим.

Позднышев чокнулся еще раз, затем решительно отставил стакан. Он быстро отужинал, достал полевую сумку, и Стасик повел его в холодную баню. Там в тишине он стал готовиться к докладу.

Заторопился и дядя Михась. Через несколько минут он уже названивал из сельсовета по телефону. Он орал истошным голосом, вызывая соседские сельсоветы, и приглашал на доклад приезжего подполковника. «Будут знать, с кем дружбу водим! Подполковники приезжают в Замошенцы к дяде Михасю доклады делать!»

Собрание началось поздно вечером, школа была битком набита. На первых скамейках сидели гонцы из соседних деревень и хуторов.

— На повестке дня у нас один вопрос, — торжественно и громогласно объявил дядя Михась. — Академик Позднышев сделает доклад о текущем моменте...

Тут дядя Михась подумал и добавил:

— ...о текущем моменте нашей действительности и жизни.

Доклад был обстоятельным, но еще больше времени заняли ответы на вопросы, которых было множество.

Когда Позднышев, Луговой и дядя Михась вышли после собрания в черную звездную ночь, они услышали то осекающийся, то вновь возникающий рокот мотора.

— Что это у вас за мотор? — спросил Луговой. — Вроде хочет работать, да не может.

Дядя Михась вытянул шею, повернулся боком и вслушался:

— Это наше «длинное зажигание», иначе сказать Зина Барабанова, и ваш шофер над движком колдуют. Девка на все проценты, лучше нельзя придумать, а с движком никак не управится.

Наутро гости пошли пройтись по деревне, наведались в новые дома, откуда еще не выветрился запах смолы и стружки.

— На той неделе последнюю землянку порушили, — сообщил не без гордости дядя Михась.

— И зря, — сказал Луговой. — Одну землянку нужно было сохранить. Обнести заборчиком и сохранить. Для потомства.

— И то верно, — вздохнул дядя Михась. — Не догадались!

Антон Иванович давно был готов к отъезду, но на этот раз не проявлял никаких признаков нетерпения.

У машины стояла высокая девушка в замасленном комбинезоне и с черными руками. Она была с непокрытой головой, и когда прядь волос, отливающих золотом, падала ей на глаза, она поправляла волосы движением локтя. Брови ее тоже были золотистые. Глаза в светлых густых ресницах освещали теплым голубым светом веснушчатое лицо.

— Значит, Зиночка, с Антоном Ивановичем, поскольку он одинокий, дружите, а с нами знаться не хотите? — приставал Луговой.

— Где нам подполковники! Образование не позволяет. Семь классов на двоих с подругой!..

— Вы как сюда ехали? — перебил Зину дядя Михась и в ожидании ответа повернул голову вбок, как это делают все контуженные, которые слышат на одно ухо.

— Через Аксиньино, — сказал Позднышев, он уже занес ногу на подножку машины.

— Через Аксиньино? — ужаснулся дядя Михась, словно машина всю дорогу ехала по минным полям. — Зачем же такой крюк? От Запрудного берите влево, мимо Княжьего болота, через лес, где саперы секретную дорогу для танков построили, и мимо плотины по Саперному мосту на тот берег. Километров на двенадцать экономию наведете!

— Так ведь тот мост был временный! — удивился Луговой.

— «Временный»! Вечной постройки мост! Для танков строен. Его так и народ называет — Саперный мост. Ни один паводок ему не страшен.

— Плотина-то взорвана! — продолжал удивляться Луговой.

— Немцы взорвали, а мы починили.

«Мой мост и моя дорога! Живут! — взволнованно подумал Луговой. — Выходит, саперы не только разрушали — и впрок строили!..»

— Нужно будет на свою карту поправки внести, — сказал Позднышев, а мысленно себя пристыдил: «Как свои пять пальцев, как свои пять пальцев! Не нужно хвастать...»

Наконец, сказаны все слова благодарности и привета, выслушаны все пожелания и напутствия. Машина в пути.

— Ты извини, Антон Иванович, что задержались, — сказал Луговой, стараясь быть серьезным. — Зато отдохнул ты как следует. Выспался сразу за несколько дней.

— Как же, выспишься у них! Полночи с этим проклятым движком провозился.

— Антон Иванович сердится! А кто же тебя заставлял?

— Да все этот председатель тугоухий. Такой настырный мужичон-

ка! Попросил помочь, я отказался. Тогда он, хитрый чорт, попросил только дать механику консультацию. Ну, как тут откажешься?

— Как же этого механика зовут?

— Его зовут Зиной, — ответил Антон Иванович еле слышно. Луговой прыснул, не удержался и Позднышев. — А по прозвищу «длинное зажигание». Поскольку у нее движок никак не заводится. Только механик тут не виноват. Карбюратор не в порядке. А кроме всего еще и кольца поршневые...

— Смотри, Антон Иванович, наденут тебе колечко, только на палец. Антон Иванович притворился рассерженным:
— Вы скажете, товарищ гвардии майор!
По привычке он называл штатского Лугового по его старому званию. Когда машина выбралась на шоссе, Позднышев распорядился:
— Завернем на минутку в райисполком.
Увидев знакомого подполковника, Кременец опять приветливо встал из-за стола. Позднышев пошарил в полевой сумке, достал карту, расстелил ее на столе, пригладил ладонями на сгибах:

— Вот, товарищ Кременец, карта вашего района. Хочу преподнести в подарок.

— Чем заслужил такое внимание?

— По этой карте гвардейская дивизия Моложатова почти весь район ваш отвоевала. Вот видите: красные стрелки и эту дугу восточнее Непряхино? Здесь мой полк прорывал немецкую оборону. Держал карту напамять, но она может вам пригодиться. Гражданской карты такого масштаба еще нет.

— Разгладим утюгом складки, застеклим, — сказал Кременец, растроганный. — Такая карта дороже самой дорогой картины.

Кременец долго и крепко жал Позднышеву руку, затем вышел на крыльцо проводить гостей, и Антон Иванович, задремавший было после бессонной ночи, сразу встрепенулся и включил мотор. Он любил, когда их провожало начальство.

Через несколько минут запыленный поселок остался позади. Однообразный хвойный лес раскинулся по обеим сторонам дороги.

Каждый думал о своем.

Позднышев сидел, откинувшись, прикрыв глаза. Он пытался восстановить в памяти карту, оставленную Кременцу, но на ее квадрат наплывали другие, такие же пестрые. Мельтешили перед глазами деревеньки, большаки, лесочки, полустанки, речки, проселки. Желтовато-серые квадраты безлесных районов Смоленщины, зеленые с синими прожилками квадраты Белоруссии, Литвы. Квадраты Восточной Пруссии, испещренные мелкой сеткой дорог-морщинок и названиями чужих городов, хуторов, господских дворов. Вот в край листа плеснуло голубым прибоем Балтийское море, вот оно залило чуть не весь квадрат.

Новенькие карты, нетерпеливые карты наступления! Они не успевали истрепаться в планшетах, как их уже заменяли другими — так быстро гнал всех вперед свежий ветер победы. А эти старые друзья, обветшавшие карты времен обороны, карты, протертые на сгибах, подклеенные и вновь протертые? Все реже их вынимали из планшетов: то ли щадили их старость, то ли успевали изучить местность наизусть. Слава вам, простреленные, залитые кровью карты! Многие погибли, не успев сослужить своей службы. Слава и вам, потрепанные квадраты, которые исчерчены вдоль и поперек — вот штабной карандаш, вот линия, властно проведенная ногтем, вот ожог от упавшего пепла. Может быть, маршал трубкой своей водил по этой карте, как указкой, а может быть, безвестный капитан, засыпая, уронил на карту незатухший окурок. А вот и последний квадрат, с которым офицер закончил войну, неторопясь он положил в планшет за прозрачную перепонку эту карту и сказал: «Все!..»

А квадраты карт, заслоняя друг друга, наплывая один на другой, мелькали перед глазами Позднышева, и вот уже на квадрат километровки легла Москва со своими пригородами. Штаб полка, которым тогда командовал Моложатов, занимал подмосковную дачу вблизи Можайского шоссе. С хмурым, полным решимости лицом взял майор Моложатов карту Москвы. «Тут еще четыре квадрата восточнее Москвы»,— сказал адъютант и подал новые листы. «Тех мне не нужно». «Топографы просили передать». «Не понадобятся. Понятно?» Адъютант растерянно молчал, не зная, куда деть эти листы. «Чего же непонятного? Живой я из Москвы со своим полком не уйду, а мертвым карты не нужны. В рай я дорогу напамять знаю. В крайнем случае, связной доведет...»

И Позднышев улыбнулся шутке Моложатова, которую он, лейтенант, командир пулеметного взвода, услышал шесть лет назад.

«А сколько еще придется сидеть над картами в академии, запоминать их географические подробности, чертить на них и ломать голову над задачами по тактике... Может, еще и прорыв у Непряхино и Замошенцы вспомнить придется... Как только приеду в Москву, в тот же день напишу генералу. Надо дружбу с районом завязать. Кременец-то адреса дивизии не знает. Тем более, дивизия наша Витебская...»

Луговой полусидел-полулежал на заднем сиденье, смотрел на нескончаемый лес, бегущий мимо, и размышлял:

«Вот пишут в газетах: отстроена тысяча деревень, сто тысяч погорельцев переселились из землянок Но ведь это тысяча Замошенцев! Сто тысяч дядей Михасей, Зиночек, бабушек Василис, Стасиков! Вот у нас в министерстве тоже висит карта СССР, преогромная, не в каждом простенке уместится... Масштаб крупный, чуть ли не по 25 километров в один сантиметр втиснуто. А смотреть на эту карту нужно так, чтобы каждые Замошенцы видеть. Что значит одна, только одна из тысяч сельских электростанций? Сотни освещенных окон, ребячьи головы, склонившиеся над книжками, сотни и сотни ламп, лампешек, моргалок, коптилок, каганцов, мигалок, лампадок, убранных со столов или выброшенных вовсе... А что же, дебит воды у плотины в Запрудном подходящий. Такая вода не мельницу в два постава кормить может, а хо-о-орошую турбину. Надо будет следующим летом в Замошенцы наведаться. Без проекта гидростанции оттуда не уеду!»

Антон Иванович гнал машину на предельной скорости. Он то и дело обгонял какие-то престарелые полуторки, обозы с хлебом или возы с сеном. Сено свешивалось до земли, закрывая колеса, и сзади, когда лошади не было видно, такой воз походил на путешествующий стог. На шоссе было в меру оживленно, но Антону Ивановичу все бывшие фронтовые дороги казались сейчас пустынными.

«Надо будет на обратном пути заехать в эти самые Замошенцы, — думал тем временем Антон Иванович. — Все равно, где-то ночевать. Тем более, что мотор мне поставят новый, с пломбой, не разгонишься. А туда и крюк небольшой, если через Саперный мост. Эх дурень, ведь я мог и весной туда завернуть! Подумаешь, восемнадцать километров в сторону! Полчаса туда, полчаса обратно. Надо будет им движок перебрать. Какой бы это гостинец сочинить в Москве для механика? «Длинное зажигание»! Придумают ведь тоже, как хорошую девушку назвать!..»

Каждый был занят своими мыслями, и никто не заметил, как на обочинах шоссе выстроились престарелые ветлы, похожие на исполинские веники с короткими толстыми рукоятями,— эти ветлы будут провожать их до самого Дорогобужа.

Брестская крепость

Главные ворота Брестской крепости.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото В. ГЕРМАНА и подполковника А. ДУБРОВСКОГО

По Западному Бугу идет сплошная шуга! Миллионы маленьких льдин перегоняют друг друга на быстром течении. Их шорох лишь оттеняет тишину, царящую здесь, у западной границы советского государства.

Старинная русская крепость возвышается на берегу.

Узкими щелями амбразур крепость смотрит на Запад.

Тише шаг, товарищ! Сними шапку, поклонись этим бастионам и фортам!

Здесь насмерть стояли предшественники солдат Сталинграда.

Смотри, вглядывайся в зияющие проломы толстых, двухметровых стен. В быки взорванных мостов. В изрешеченные пулями остатки водосточных труб, свисающие с крыш. В перепутанные ржавые клубки бронированного кабеля... Это следы грозной битвы. Битвы, еще не описанной историками, не воспетой поэтами.

Брестская крепость!

Рано утром 22 июня 1941 года здесь разорвались первые немецкие снаряды и бомбы. И здесь фашисты впервые узнали, что такое советская стойкость и советское мужество.

* * *

В июле — августе 1941 года смутные рассказы о подвиге гарнизона Брестской крепости передавались из уст в уста. Немцы подходили к Смоленску, а твердыня на Буге еще не была в их руках.

Слухи были разноречивыми. Одни утверждали, что крепость держалась десять дней, другие говорили о двухнедельной обороне. Факты обрастали легендами. Рассказывали, что последние защитники крепости ушли в подземелья и там выжидают возвращения Советской Армии. По другой версии, крепость была взорвана, и под ее обломками вместе с героями погибли тысячи немецких солдат.

Подлинная правда оказалась сильнее, ярче и благороднее самых романтических легенд.

Нам представилась возможность познакомиться с документами, проливающими свет на Брестскую эпопею. В Бресте и в окружающих город деревнях мы встретили нескольких товарищей, прямых или косвенных свидетелей отгремевших событий. Мы обошли форты, бастионы и подземные казематы крепости. И мертвый камень дополнил рассказ живых людей...

* * *

Прежде чем изложить хронику героической обороны, дадим читателю небольшую историческую справку.

Еще в X веке на берегу Западного Буга, при впадении в него реки Муховец, возникли деревянные и земляные укрепления. У древнего славянского Берестья (Бреста) проходила северо-западная граница Киевской Руси. В течение столетий крепостные сооружения на этом рубеже беспрерывно обновлялись, расширялись, модернизировались. После Крымской войны Брестская крепость перестраивалась по проекту Тотлебена. Русская инженерная мысль сделала цитадель могущественной и неприступной. Однако общий прогресс военного искусства, развитие современной тактики и стратегии уменьшили значение крепостей. В августе 1915 года русские войска оставили Брестскую крепость без боя. Перед второй мировой войной никто не считал эту цитадель серьезным военным объектом, и гитлеровские генералы были уверены, что первый же удар по Бресту заставит гарнизон крепости капитулировать. Их ждало жестокое разочарование.

Вот как развивались события.

22 июня 1941 года. Немцы бросают на Брест 12-й армейский корпус в составе 31-й, 34-й и 45-й дивизий с приданными танковыми, саперными и другими специальными частями 4-й армии. По городу и крепости бьют сотни орудий тяжелых артиллерийских батарей и мортирных дивизионов.

Около часу дня фашисты форсируют Буг. Чтобы захватить крепость, им надо овладеть безымянным островом между старым и новым руслами реки. Остров — форпост крепости. Мост соединяет его с въездом в западные ворота цитадели.

Пограничники грудью заслонили крепость. Не только застава № 9, которая дислоцировалась на острове: все заставы, опоясывавшие Брест, дрались с поразительным мужеством.

Документы говорят о пограничнике Саблине: тяжело раненный в обе ноги, сжав зубы, теряя сознание, он бил из пулемета по наседавшим гитлеровцам.

У другого бойца, Григорьева, правая рука была раздроблена разрывной пулей—он стрелял левой.

Пограничник Кузьмин, истекая кровью, бросал в гущу фашистов гранату за гранатой. Его последними словами были: «Вы, сволочи, не возьмете нас никогда!»

Застава № 9 держалась весь день 22 июня.

Немцы не сумели с хода овладеть островом. Когда стемнело, горстка пограничников отошла в крепость, взорвав за собой мост.

Пограничники присоединились к небольшому гарнизону крепости: он состоял из трех пехотных батальонов 6-й стрелковой дивизии и одного танкового.

В первый день обороны бойцы отразили все попытки врага проникнуть внутрь крепости. Вот что признали впоследствии сами немцы (мы цитируем официальное донесение командира 45-й гитлеровской дивизии командующему 4-й армией):

«...Русские начали особенно упорно и настойчиво обороняться в пехотном бою, используя стоящие в крепости 35—40 танков и бронемашин. Вместе с массовым огнем они применяли и мастерство снайперов, стрелков из слуховых окон чердаков, из подвалов и наносили нам большие потери в офицерском и унтерофицерском составе...»

Немцы вынуждены были отойти от крепостного вала. Это был первый случай за вторую мировую войну, когда германское командование отдало приказ об отступлении. Испуганные и обозленные гитлеровцы всю ночь освещали крепость сотнями ракет и беспорядочно обстреливали ее форты.

23 июня. Немецкий документ: «...С 5.00 на крепость был направлен уничтожающий огонь инициативной перестрелки тяжелых пушек, которая чередовалась с мощными огневыми налетами; во время огня деятельность русских снайперов временами прекращалась, но потом возобновлялась точно, упрямо и успешно».

И дальше: «...Попытки отдельных пехотных противотанковых пушек и легких полевых гаубиц действовать прямой наводкой не удавались, большей частью из-за недостаточного наблюдения и угрозы собственным людям, а в основном из-за толщины стен крепости... Батарея штурмовых пушек также не оказала на русских никакого влияния».

Дело было не в толщине стен: немцы натолкнулись на нечто посерьезнее любых фортификационных сооружений.

В этот день в крепости состоялось совещание командиров подразделений. Его проводил коммунист Рублевский.

— Мы не получили приказа об отходе,— сказал Рублевский.— Значит, надо стоять до конца. Погибнуть, но не отступить!

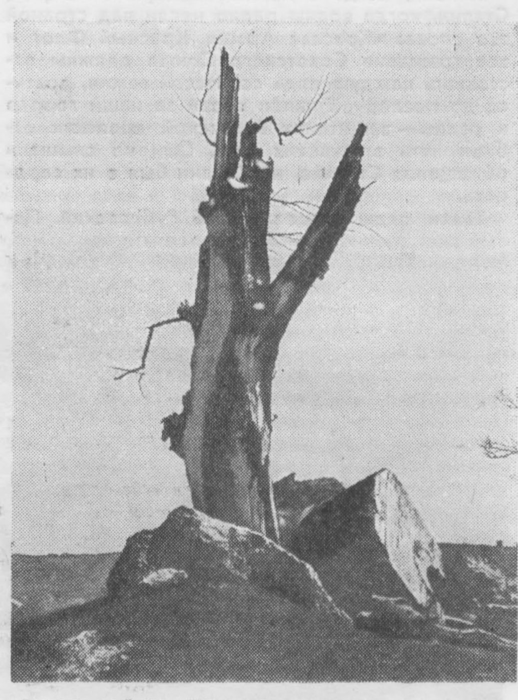
Эти слова стали девизом всего гарнизона.

25 июня. Фашисты пытаются смутить боевой дух осажденных. Немецкая радиомашина передает через мощные рупора: «Сдавайтесь! Сопротивление бессмысленно. Москва занята германскими войсками. Красная Армия капитулировала».

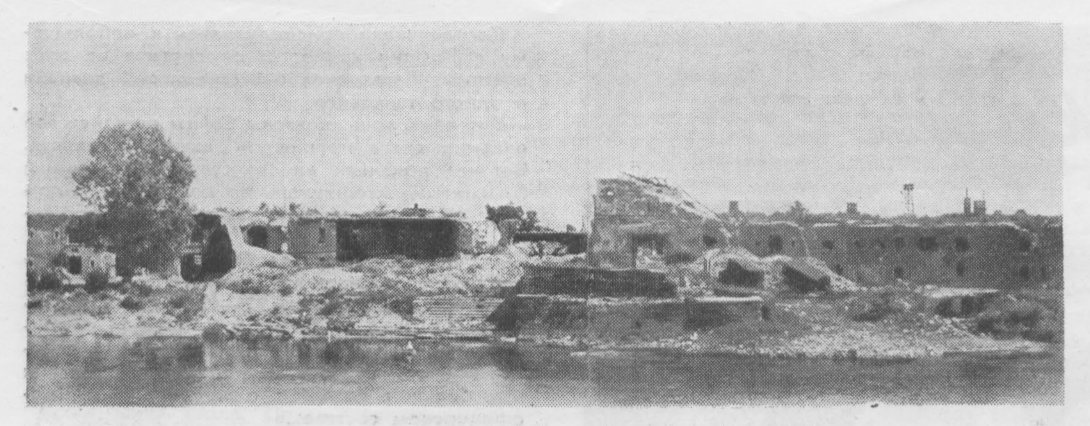
Крепость отвечала на это огнем.

Отрезанный от Родины гарнизон был верен военной присяге.

...Мы беседовали с бондарем Иваном Сергеевичем Матлаховым, работавшим в хозяй-



«Дерево войны». Как символ, стоит оно на крепостном дворе. По преданиям героической обороны, здесь сражались до последней капли крови советские пулеметчики.



Западная сторона крепости. Здесь пограничники отбивали ожесточенные атаки врага.

«Чтобы уничтожить фланкирование из Дома комсостава,— говорится в одном из немецких документов,— был послан 81-й саперный батальон с поручением: подрывной партией очистить дом. С крыши дома взрывчатые вещества были спущены к окнам, а фитили подожжены. Были слышны стоны раненых русских, но они продолжали стрелять».

Никто не знает о последних днях брестского гарнизона. Известно только, что и после 8 июля, дня, который немцы считали датой овладения крепостью, еще долго шли рукопашные схватки среди развалин, в подвалах, казематах и отсеках. Только на двадцать второй день прекратились бои.

Недалеко от крепости расположена деревня Речица. Мы были в Речице и расспрашивали крестьян о том, что видели они в те дни. Юноша Георгий Назарук, который помогал партизанам, рассказал волнующие подробности.

Приблизительно через месяц после начала войны в Речицу ночью пробрались из крепости трое раненых советских воинов. Они прятались в копнах недалеко от избы Феклы Назарук. Георгий обнаружил раненых. Он уговорил мать взять их в избу. Им перевязали раны, их накормили, обогрели.

Одного из них звали Виктором, он был младший лейтенант, танкист. Другой был старшиной, третий — помкомвзвода; их имен Георгий не помнит. Они рассказали, что последние защитники крепости ушли в подземелье. Герои взяли с собой полковое знамя и замуровали его в кирпичной стене. По ночам они вылезали наружу и забрасывали немецкие патрули гранатами. Многие умерли от голода. Многие покончили с собой, предпочитая смерть плену.

Черные от перенесенных страданий, ослабевшие от потери крови, трое бойцов из Брестской крепости не хотели и слышать об отдыхе. Они стремились в партизанский отряд, чтобы отомстить за погибших товарищей... Им не удалось добраться к своим. Когда бойцы уходили из Речицы, они были замечены немецким патрулем и расстреляны.

ственной части крепости. Он видел лозунг, который вывесили наши люди на стене возле восточных ворот. Кровью на куске полотна было выведено:

«Все умрем за Родину, но не сдадимся!»

26, 27 и 28 июня враг беспрерывно атаковал восточную часть крепости. Кое-где немцам удалось проникнуть за крепостные стены. Однако это не принесло им решающего успеха. Танки немцев не могли маневрировать в узких проходах между старыми строениями казарм. Снайперский огонь выкашивал немецкую пехоту. Стрелял каждый дом, каждый обломок стены, каждое дерево. Дом санитарной части 125-го стрелкового полка трижды переходил из рук в руки. Его защищала группа лейтенанта Калиновского. Немцы захватили первый этаж. Калиновский укрепился на втором, поливая оттуда фашистов струями свинца. Кончились патроны. Калиновский забаррикадировался мебелью. Фашисты проломили стенку, ворвались в комнату: хотели взять лейтенанта живым. Но последний патрон Калиновский приберег для себя.

Утром в воскресенье 29 июня над крепостью появились немецкие бомбардировщики. Громовые взрывы потрясли Брест. Фашисты сбрасывали бомбы весом в 1800 килограммов. Германские офицеры, находившиеся в городе, сидели на крышах с биноклями, ждали результатов бомбежки: не выкинут ли осажденные белый флаг? Окутанные дымом и пылью бастионы отвечали только вспышками выстрелов.

Бомбежка причинила крепости серьезные разрушения. В знаменитом «рондо» — длинных каменных оборонительных казармах, кольцом охватывающих крепостной двор,— образовались бреши. К этим брешам хлынули немцы. Завязались новые свирепые бои.

3 июля, когда в Москве выступал товарищ Сталин, когда волны радио несли над страной его слова: «Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села»,— защитники Брестской крепости отбили пять вражеских атак. Они не слышали обращения Сталина, но Сталин был в их сердцах...

Таяли ряды героев. Погиб Рублевский. Погиб военный врач, руководивший обороной восточной части крепости (фамилия его не установлена). Военный фельдшер Раиса Абакумова работала под обстрелом. Ее сразила пуля, когда она втаскивала в подвал раненого красноармейца. Жена одного из командиров, Екатерина Тарасюк, легла за пулемет, заменив погибшего мужа. Она стреляла до тех пор, пока снаряд не разбил пулеметное гнездо.

4 июля немцы снова пошли в атаку, на этот раз со стороны реки Муховец.

Защитники крепости контратаковали танками. Танков было не 40, как показалось с перепугу немцам, а всего лишь около 20. Половина их не имела горючего. Танковая атака заставила немцев отступить к реке. Один танк загорелся. Но объятая пламенем машина не остановилась. Она врезалась в гущу немцев и взорвалась, похоронив под собой десятки гитлеровцев. Безвестный танкист повторил подвиг Гастелло.

Кончалась вторая неделя обороны. Красное знамя попрежнему развевалось над цитаделью. Германское командование устанавливало один срок взятия крепости за другим. Командующий 12-м армейским корпусом виновато докладывал Гитлеру: «Хотя подвижные части корпуса ушли далеко на восток, но Брестом они не овладели. Гарнизон русских упорно сопротивляется...»

У защитников крепости еще были боеприпасы, но продуктов питания становилось все меньше и меньше, а запасы воды иссякли. В подвалах на соломе метались раненые: «Пить!» Искали колодцев — не нашли. В одном подвале обнаружили немного льда; его поделили на маленькие кусочки...

Ни муки голода и жажды, ни бомбежки, ни провокационные предложения гитлеровцев — ничто не могло сломить духа советских воинов!

7 июля немцы прорвались к сердцу крепости. Но перед ними возникли новые маленькие крепости: гарнизонный клуб, Дом комсостава, исторический Белый дворец, где жил Суворов,— все эти здания превратились в узлы сопротивления.

Особенно большие потери наносили немцам бойцы, засевшие в Доме комсостава: они вели из окон фланкирующий пулеметный огонь.

* * *

...Тяжелые своды пробиты снарядами. Ниши узких остроконечных окон засыпаны обвалившейся штукатуркой. Стены словно изрыты оспой: это следы бесчисленных пуль и осколков.

На куске отвалившейся стены чуть темнеют полустертые буквы. Сквозь слой кирпичной пыли явственно выступает:

«Смерть немецким захват...»

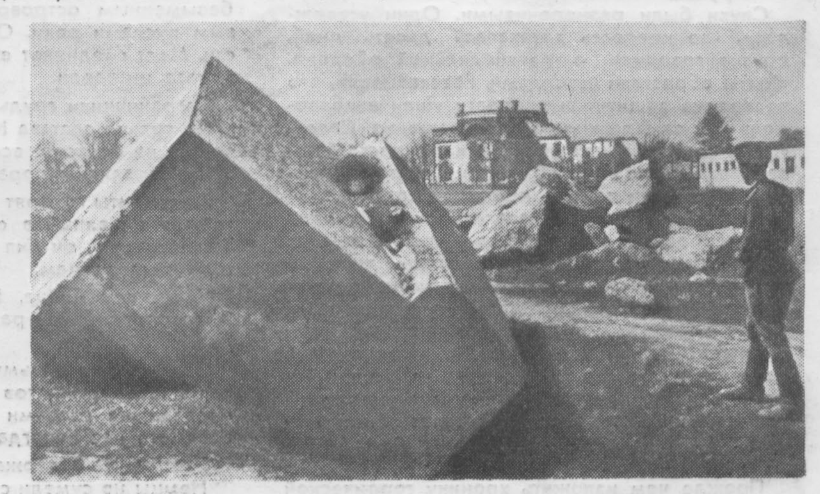
Кто начертал боевой призыв? Защитник ли крепости, стоявший в этом простенке с пулеметом? Или один из тех, пришедших сюда из Сталинграда, кто в июле 1944 года стремительно овладел крепостью, навсегда изгнав отсюда врага?..

Здесь, в Белом дворце Брестской крепости, тридцать лет назад германский империализм надменно продиктовал молодой Советской республике свои условия мира.

Ленин писал в марте 1918 года: «Невыносимо тяжелы условия мира. А все же история возьмет свое...»

Да, история взяла свое! Советская страна превратилась в великую, могущественную державу, и ее вооруженные силы сокрушили гитлеровскую империалистическую Германию.

Бывшая крепостная церковь, позднее приспособленная под клуб гарнизона. Здесь помещался штаб осажденных.



Железобетонные глыбы одного из подорванных немцами фортов крепости.

ИСПОЛИНЫ ЗАВОДА

Всеволод **ИВАНОВ**

Фото С. Фридлянда

1

По своему призванию писателя я часто бываю в этом районе Москвы. Иногда я набрасываю здесь какую-нибудь главу романа или сцену из пьесы, иногда приезжаю, чтобы написать очерк для газеты, иногда заводская машина подвозит меня к дверям клуба, чтобы я выступил перед читателями, а иногда, в часы раздумий, я просто прихожу сюда, чтобы побродить, поглядеть, побыть наедине с этими

В. Пресняков, обмотчик. За время войны получил 7 правительственных наград.

улицами, заводами, со всеми этими любопытнейшими свидетельствами новой, удивительной жизни.

Больше чем четверть века живу я в Москве. И я уже не помню, сколько раз бывал в этом районе. В сущности говоря, район этот вырос на моих глазах, да и я сам вырос здесь заметно, понял многое в направляющей силе развития советского общества. Я видел пустыри, жалкие деревянные домишки под тусклыми железными крышами. И затем здесь же я видел огромные здания заводов с замечательными машинами, похожими на чудеснейшие произведения искусства, громадные трубы. Я видел возникновение садов и рост деревьев. Я видел, как дети, игравшие возле куч песка на детских площадках, превращались в школьников, студентов, шли в институты, на заводы, в армию. Они воевали, возвращались домой победителями, создавали новые здания, машины, а главное — создавали новое общество в беспредельных перспективах быстрого прогресса нашей могучей страны... Да, многое можно увидеть в течение четверти века!

Бывал я здесь часто и в годы Великой Отечественной войны. Помню улицу возле завода «Динамо»; огромную, сплошь застекленную стену заводоуправления. Большинство стекол вылетело во время бомбежки, и окна были закрыты свежей фанерой. Улица ныне перед заводоуправлением чиста, опрятна.

Великие годы великой славы нашей Отчизны!

Эти годы вопреки всем законам психологии не уходят в прошлое, а возвышаются где-то совсем рядом с нами. И мы поныне чувствуем их суровое дыхание, слышим их голос. Воспоминание об этих героических годах Советской Армии бесконечное количество времени будет возбуждать нас, зарождая в наших сердцах тысячи восторженных планов. Да иначе и быть не может! Советская Армия — единственная армия в мире, воспитывающая гражданина-воина, воина-строителя.

Какая это великая школа — Советская Армия, армия, руководимая полководческим гением Сталина, ведомая идеями Ленина — Сталина, идеями нового мира, высоко возвышающегося над капиталистическим, старым и подлым миром!

Мне хочется рассказать о нескольких рабочих завода «Динамо». Биографии этих рабочих — биографии обыкновенных, простых советских людей. Но в то же время какие это необыкновенные биографии! Когда я, слушая этих людей, глядел на них, я чувствовал, что присутствую при величественном зрелище, хотя все вокруг было довольно обыкновенно, и говорили они самым обыкновенным голосом, с явным затруднением, потому что, «как говорить о себе, да и чего там говорить?..» И тем не менее люди эти казались мне настоящими исполинами.

В краново-трехфазном цехе работают два стахановца, постоянно перевыполняющие свои нормы. Оба они, и Владимир Пресняков и Александра Королева, перед тем как вступить в Советскую Армию, работали на «Динамо».

Подложив под локоть меховую шапку, вперив в пространство стола взор своих карих глаз и сосредоточенно сдвинув густые черные брови, Пресняков медленно шевелит крупными губами:

— Конечно, возвращался к заводу с некоторым страхом: шутка ли, шесть лет! Как встретят люди? А как встретят люди, так и машины встретят. Будешь одиноким, и машина от тебя отвернется! Будешь связан с народом, и машина тебе — друг, отдаст тебе свои силы и способности. Машину можно через народ почувствовать...

Н. Фомин, слесарь-сборщик. В годы войны служил во флоте, был зенитчиком.

А. Королева, обмотчица. Во время войны сражалась в партизанском отряде.

Помолчав, он добавил:

— Смотрю, работа идет, конечно, лучше. Больше стране требуется, ну и работа стала бóльшая! В нашей бригаде семь человек, я седьмой. Шесть лет был в армии, думаю: «Ну, как-то ребята меня поддержат?» А поддержали хорошо. В квартиру свою вошел — семья встречает. На заводе — другая! «Вот это настоящая,— думаю,— жизнь, настоящая, — думаю,— дружба!» Начали мы бригадой занимать второе, первое место по заводу; стал я работать общественно, комсоргом цеха.

Руки его словно прилипли к столу, карие глаза его горели, и все его лицо оживилось:

— А почему такое произошло? Почему такая семья? Почему встретили с любовью, с уважением? Потому что любят и уважают Советскую Армию все — от мала до велика! Я не бригадир — обыкновенный рабочий в бригаде, а если совет дашь, в порядке ли политической учебы или производственном,— полное тебе внимание.

— А в армии тоже полное к тебе внимание в силу того, что ты с завода, рабочий. Полная перестройка! Демократия есть демократия для народа! Вот оно что...

Но, надо от себя добавить, что Владимир Пресняков вполне заработал уважение. Пришел он на завод из ФЗУ в 1936 году. Был обмотчиком, лучшим стахановцем, проработал четыре года и в 1940 году направился по призыву в армию. Служил, учился, был произведен в лейтенанты; в боях за Москву, под Можайском, 9 декабря 1941 года был ранен. Потом еще три раза ранило его.

— При прорыве на Одере — за один день, что ли, не помню: день спутался с ночью,— выпустили мы сразу две с половиной тысячи мин, один наш взвод! Я беру мину, и над каждой мысль: «Небось, на моем «Динамо» делали?.. Бей сколько хочешь, столько понавезли мин! Спасибо,— думаю,— динамовцы и весь рабочий класс! За вас показываем класс немцу».

Добавим, что Владимир Александрович за бои и воинские подвиги награжден орденами Красной звезды, Александра Невского, Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

2

Что касается Александры Королевой, то для своих двадцати трех лет она испытала чрезвычайно много. Небольшого роста, круглоли-

цая, с веселыми глазами, делая вид, что она испугана, быстро подошла ко мне и сказала:

— А я-то перепугалась! Девушки мне говорят: «Иди, с тобой хочет писатель говорить». «Ну, — думаю, — попалась! Чего-то он там напишет, чего это я наделала?..»

Александра Михайловна родом из колхоза «Волохово», Московской области. Незадолго до войны поступила в охрану завода, ходила с винтовкой, проверяя пропуска. «Войну-то, должно быть, чуяла, примеряла винтовку»,— говорит она, сверкая лукавыми глазами. В охране завода пришлось ей пробыть недолго, всего два месяца, затем через заводской комитет комсомола записалась в партизанский отряд. Шли бои за Москву. В 1941—1942 годах вместе с другими партизанами Александра Михайловна восемь или девять раз переходила фронт, исполняя различные поручения. В конце 1942 года отряд, где находилась Александра Михайловна, соединился с известным партизанским отрядом «Дедушки». Там, в этом отряде, она пробыла два с половиной года! Вела разведку, спускала под откос эшелоны, узнавала, где стоят вражеские войска, пушки. «Одно обидно было, что составы у них маленькие — девять—десять вагонов. Спустишь под откос. Охрана за тобой гонится, с собаками... а ты бежишь да думаешь: «Эх, кабы составы-то у них ходили по сто вагонов!» Под Брянском соединились с регулярными войсками Советской Армии.

— Как же вас встретили?

— Встретили-то? Они смотрят на нас, глаза раскрыли, думают: «Какие такие необыкновенные партизаны». А мы привыкли к своей работе, на них с гордостью да с робостью смотрим, думаем: «Они необыкновенные...» Я и осталась у них, в разведке. Перебросили нас в Прибалтику, недалеко от Ленинграда, там воевали. Там меня и ранили. Поехала в Москву на излечение, а тут конец войне. Вот и все.

— И опять на завод?

— И опять на завод. Пошла в охрану, думаю: «Теперь я опытней». Опытней-то, верно, опытней, а к машине меня стало тянуть. В армии-то мы все время учились, в свободное время, конечно... Ну, а тут стало как-то совестно. «Столько,— думаю,— машин! Такие, — думаю,— все хитрые станки стоят! Неужели я, кроме винтовки, ничего знать не буду? Годов-то мне порядочно! Добро бы недоросток была!» А тут происходит почин товарища Сергеенко, которая с конторской работы, слышали, перешла на производство? Я и иду в цех. Взялась за дело с душой. Все помогают. Ну и далась мне работа легко. Учиться надо было мне три месяца. Я — за один! Работаем хорошо, мастера не обижаются. Планы перевыполняю. «Партизаны, — говорят, — к нам пришли». И не насмешка, а на каждом шагу, вижу, любовь, уважение. Советская Армия! Великое оно дело — эта Советская Армия, как вглядишься.

3

В новогоднем номере заводской газеты напечатан тост сборщика 4-го аппаратного цеха Н. А. Фомина. Он сказал:

— 1947 год был годом величия нашей Родины! Много хороших дел вписал советский народ в историю своей Родины. Сегодня я хочу сказать об одной дате. Я ровесник Великого Октября. Можно сказать, родился под грохот революции. Чтобы по достоинству отметить эту великую дату — 30 лет советской власти,— я брал обязательство выполнить три годовых нормы. Свое слово я сдержал. За успехи поколения, выросшего в годы советской власти, я предлагаю тост!..

Рабочие «Динамо», привыкнув к своему заводу, сохраняют это увлечение много лет. Покинув завод, по призыву в армию, в 1938 году, Николай Анисимович восемь лет помнил завод, помнил так, как будто только вчера ушел с него.

Вспоминая о своем возвращении на завод, Николай Анисимович говорит:

— За восемь лет все изменилось. Людей старых осталось мало. А работают как! Я пришел год спустя, без малого, как кончилась война. Год только прошел, как они начали выпускать мирную продукцию. И выпускать стали так много, что и рассказать невозможно! Сначала я перепугался. Но с помощью товарищей вошел в колею производства и начал выполнять ежемесячно две—три нормы. Дисциплина, выработанная в армии, пригодилась и здесь. Сознание, вот что важно! Где и для чего работаю.

Н. А. Фомин — моряк. На нем бушлат, поношенная морская фуражка, с которой, видно, ему трудно расстаться. Он любит море, и кажется, что море наложило свою печать на острые черты его профиля. Всю войну он провел командиром приборного отделения на зенитной батарее. Отбивали врага почти каждый день. Жизнь зенитчика тяжела, замены нет, все время занято. Если не отбиваешь врага, а враг летает даже в пургу,— повышай в свободное время квалификацию, изучай свою специальность, она сложна. В 1942 году бывало по 6—7 налетов ежедневно. Фашист хвастался: «Камня на камне не оставлю от Полярного». Зенитчики отвечали: «О камни разобьешься, не к тем летишь, враг!» И действительно, бились день и ночь. Дело при зенитной обороне решается секундами, надо быть все время в боевой готовности, в напряжении, чтобы успешно отразить налет.

— Учились, верили, надеялись, знали! С тем и победили,— говорит бывший моряк Н. Фомин.— Со Сталиным победили, с советским народом, с партией!

4

Когда я перевел глаза и увидел приближающегося рабочего, передо мной встало то, чего я никогда не забуду. Рабочий шел от дверей к другим дверям в комнату, где должна была происходить наша беседа. Налево от входных дверей, возле выбеленной стены,— в большой комнате только что закончился ремонт — стояла прислоненная картина, изображавшая выступление Сталина перед рабочими. Картина относилась к 1924 году. Сталин в длинной солдатской шинели говорил с широкой трибуны. Лица рабочих — радостные, возбужденные, полные огня и творческого вдохновения—были обращены к своему учителю, вождю и другу.

Лицо рабочего, которое я видел сейчас, было лицом одного из тех, кто смотрел на трибуну, на Сталина! А между тем этот рабочий по возрасту своему не мог быть на этом выступлении Сталина. Да, наконец, не фотография же была передо мной! Что же роднило этого рабочего с рабочими, слушавшими Сталина тогда? Воодушевление! Если б мне дано было выбирать для обрисовки наших дней, я выбрал бы это одно мгновение, которое я сейчас наблюдал, вместо целой библиотеки книг, рассказывающих о современности. Какое образное, живое, одушевленное настроение нес этот рабочий, идущий из цеха, где он производил сейчас какую-то весьма сложную работу для своей Родины!

С. Лисицын, мастер инструментального цеха. Во время войны — офицер, артиллерист.

Семен Степанович Лисицын — мастер инструментального цеха. До войны он работал токарем. Сейчас он руководит работой двадцати пяти человек — фрезеровщиков, токарей, строгальщиков. Среди них знатный фрезеровщик завода Н. Терентьев, за два года выполнивший десять годовых норм.

— Отвыкли, наверное, от производства-то, Семен Степаныч? — задал я обычный свой вопрос.

— Да как сказать. Вроде и отвык, а вроде и нет. Я ведь большие технические знания получил в армии. Окончил артиллерийские курсы. Ну, и на заводе помнили обо мне, как о хорошем токаре-специалисте. Конечно, сразу вернуться из армии да взять звание мастера — опасно. Можешь напороться, себя погубить, армию опозорить. К тому тебя готовили, что ли? Ведь в нашей армии готовят не только к бою, а и к мирной жизни, к труду,— вот в чем разница с прошлым. Ну, предлагают мне мастера. Думаю: «Как быть, брать ли?» Взял! Понадеялся на уважение народа, на партию...

— И вышло?

— И вышло! Да, и как не вышло б? Пришлось подзаняться! Но народ имел уважение. Молодежь прямо в рот глядит... Никаких нарушений не было! Стал я членом цехового бюро, комсоргом, повел кружок технического обучения: 14 человек! Сам учу, и сам подучиваюсь. Такой оборот жизни! В общем повысил людей на целый разряд! Ученика обучил... Ведь какой путь прошли! Не зря же?..

И действительно, путь его огромный!

Семен Степанович — артиллерийский техник. Начал войну возле Краснодара. Затем попал в стрелковый полк. Ну, приходилось командовать и стрелковым взводом. Вел войну в горах, делал прорыв вражеской обороны на реке Миусе. А оттуда вышли на Днепр, в район Херсона.

— Там и держали противника до весны. Он тогда еще уверенный в себе был, гордый. А мы уже тогда видим: войне скоро конец, будем скоро в Москве, будем ознаменовывать новыми трудовыми успехами все важнейшие события в жизни нашей страны. То есть явственно победу видим! Так что разбирали и перевозили свои орудия на тот, еще вражеский берег, на наш плацдарм, в обыкновенных рыбачьих лодках. Вы когда-нибудь пробовали тяжести на таких лодках возить? Нет? Ну, вот! Рыба — она не тяжесть. Она продовольствие. Ее за хвост или за жабры бери и кидай в лодку. Она и лежит. Орудие — дело другое! Оно тонуть стремится. Оно к воде не привыкло. Ну, мы его разбираем, кладем. Беру расчет — и с рассветом в путь. А путь там тяжкий! Лиманы, проливчики, разливчики, плутаешь, гребешь-гребешь. А ведь еще его, орудие-то, собирать надо! Ну, переплывешь, соберешь. Встряхнешься и давай: «Огонь по врагу!» Очень это сильное слово — враг! Мы прислушивались к этому слову, и как кто скажет его, так ты весь даже посинеешь от злобы. И тут тебе никакая река не глубока и любое орудие, кажется, на руках перенесешь.

Он посмотрел на меня:

— Понимаете?

— Я все понимаю.

— На реках приходилось претерпевать. Итак, вышли мы на Одер...

— Позвольте, а между Одером и Днепром?.. Ведь расстояние?.. У вас два ордена Красной звезды, две медали «За отвагу», медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», а вы так шагаете... Рассказали бы поподробнее.

— Чего ж тут подробнее рассказывать? — ответил Семен Степанович.— Вы в нашу заводскую продукцию вглядитесь. Она и говорит. Мы ее выпускаем, а она и говорит за всю нашу жизнь. А жизнь у нас, скажу кратко, вполне хорошая.

КВАРТИРА КАПИТАНА ГРАНИНА

Владимир **РУДНЫЙ**

Фото В. Рудного и М. Трахмана.

1. ДОМ ЗА БАРРИКАДОЙ

В августовское воскресенье 1943 года немецкая артиллерия совершила зверский налет на улицы Ленинграда. Над Петергофом поднялся аэростат с корректировщиками. Был ясный день, на аэростате были сильные оптические приборы, и корректировщик точно направлял снаряды своих батарей на места скопления горожан: перекрестки улиц, скверы, трамвайные остановки. Особенно жестоко обстреливался в этот день угол Невского проспекта и улицы 3-го Июля, где в ожидании трамвая собралось много ленинградцев. Сотни жителей города пали в то воскресенье жертвой очередного фашистского злодеяния.

Аэростат вскоре был сожжен снарядом, посланным из Кронштадта. Батарея, однако, пристрелялась к трамвайной остановке довольно точно и время от времени повторяла налеты.

Контрбатарейную борьбу вела в тот период подвижная артиллерия Краснознаменного Балтийского флота. На железнодорожных путях Ленинграда были разбросаны сильные дальнобойные морские орудия, установленные на бронеплатформах; их обслуживали матросы-артиллеристы. «Глаза» этой артиллерии находились на самых высоких зданиях города и на его передовой линии — на окраине.

Естественно, что каждую жертву в городе моряки воспринимали как укор своей воинской совести; и самым страшным укором была в эти дни безнаказанность новой батареи, что пристрелялась к ленинградской трамвайной остановке. Батарею надо было найти, засечь и уничтожить.

В те дни я отправился в дивизион подвижной артиллерии майора Гранина, артиллериста и десантника, прославленного на Балтике в период обороны полуострова Ханко: там, еще будучи капитаном, он создал бесстрашный отряд добровольцев, занявший 17 вражеских островов. Матросы так крепко полюбили своего командира, что не называли себя иначе, как «дети капитана Гранина».

Командный пункт дивизиона размещался в двух классных вагонах на Варшавском вокзале.

Майора, однако, я в вагоне не застал. Мне сказали, что после памятного августовского воскресенья вместе с артиллерийскими разведчиками он проводит дни и ночи на переднем крае. Я просил выяснить, скоро ли он вернется. Начальник штаба капитан Борис Андреевич Рзянин связался с командиром по телефону и вскоре в свойственном ему шутливом тоне сообщил:

— Майор назначил вам рандеву на частной квартире. Вот вам адресок, приедете и спросите: где, мол, тут ленинградская квартира майора Гранина...

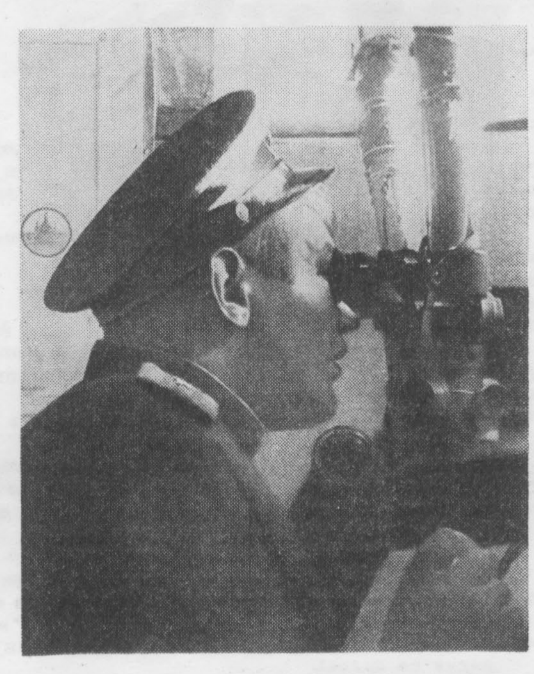
— На каком же трамвае туда ехать?

— Трамваем в Ленинграде на фронт действительно можно проехать,— рассмеялся начальник штаба,— но квартира майора дальше, за баррикадой. Так что мы попросим начальника нашего гаража Ивана Петровича Щербановского — вы, вероятно, знаете его по Гангуту — доставить вас туда на своем драндулете...

В мичмане Щербановском, вскоре подкатившем на обшарпанной полуторке, изрешеченной осколками, я узнал старого спутника Гранина по десантам, моряка торгового флота. На Ханко в самые тяжелые минуты Иван Петрович Щербановский всегда умел развлечь «детей капитана Гранина» рассказами о своих путешествиях вокруг земного шара. После одного из десантов он стал заикаться, и это придавало его рассказам особый колорит. На Ханко, подражая Гранину, Щербановский носил густую бороду. Я удивился, увидев его бритым, но мичман тут же разъяснил:

— Мы с м-майором носим б-бороду для устрашения противника в десанте. В артиллерии культурнее без бороды. В-вот погодите, начнем наступать — снова будет борода...

Он многозначительно подмигнул мне, дескать, не далек тот день, когда мы прорвем блокаду, пригласил меня в машину и повел ее по ленинградским улицам за город к фронту.



Майор Гранин у стереотрубы. Снимок сделан в августе 1943 года, в тот день, когда моряки-артиллеристы подавили немецкую батарею, пристрелявшуюся к трамвайной остановке на Невском проспекте.

Возле баррикады, внезапно преградившей магистраль, мы догнали переполненный трамвай: окна его были забиты фанерой, передняя площадка просвечивала, как решето. Трамвай дальше не шел. Мы подождали, пока пассажиры прошли через контрольно-пропускной пункт за баррикаду: под артиллерийским огнем шли на фронт штатские люди,— кто на возделанный там огород, кто на работавшее рядом с окопами предприятие.

За баррикадой дорога шла под прицельным огнем.

Мы остановились перед домом, больше других побитым войной. Двери квартир были аккуратно запечатаны белыми бумажками с круглой печатью домоуправления: жители этих квартир выехали в начале блокады, в сентябре 1941 года,— но они незыблемо охраняли вход в квартиры эвакуированных ленинградцев, несмотря даже на то, что часть дома была открыта с фасада: фасад разнесли снаряды. На одной из квартир бумажки с печатью не было. Видимо, комендант дома вскрыл квартиру для военных нужд. Я сверился с адресом: это была разыскиваемая мною квартира в доме за баррикадой — квартира номер тридцать три.

Квартира Росляковых.

Звонок не действовал. Я постучал в дверь.

— Майор Гранин здесь живет?

— Здесь,— ухмыляясь, ответил рыжеватый главный старшина, стрельнув из-под мичманки хитрым взглядом.— Не узнаете?

— Желтов? — вспомнил я гангутского снайпера...

Мы вошли в квартиру и очутились в кругу молодых матросов, в большинстве прежних спутников Гранина по десанту. Это была обычная ленинградская квартира: три комнаты, кухня, ванная. Теперь она очутилась в самом пекле войны, подобно какому-нибудь доту или полевому блиндажу. Кто в ней жил раньше? Кому принадлежала оставшаяся тут мебель? Кто готовил на кухонной плите, где, гремя флотскими жестяными мисками, возились теперь коки? Установить это было трудно: может быть, люди, воевавшие в это время на другом фронте, может быть, рабочие ленинградских заводов, делавшие артиллерийские снаряды? Квартира, как и весь Ленинград, выдержала штурмы и обстрелы, в нее залетали осколки снарядов, в ней умирали, как умирают в окопе, и, как из полевого рубежа, отсюда готовили наступление.

Возле кухни в каморке примостился с переносным коммутатором дивизионный телефонист, он то и дело повторял свой позывной: «Квартира Гранина слушает... Квартира Гранина слушает.» В комнате напротив усердствовал над чьей-то щетиной брадобрей артиллерийской разведки. В другой комнате происходило нечто странное в тогдашней обстановке: какой-то матрос красил полы.

— Текущий ремонт своими силами,— пошутил Желтов,— без вмешательства управдома и жилищного управления.

В третьей комнате я нашел майора — у стола сидел плотный, широкий в плечах человек, склонившись над огромным аэрофотоснимком, и изучал его с помощью лупы.

— У вас тут весь Гангут, Борис Митрофанович,— приветствовал я майора,— и Желтов и Щербановский — все старые знакомые.

— Что же, люди испытанные, надежные, с такими любо воевать,— ответил Гранин.— Конечно, теперь на фронте есть подвиги и погромче, но ханковская слава не померкнет. Начало положили — вот что важно. До сих пор многие пишут: наступать хотят, ждут...

— Находят вас?

— Да как находят! — Гранин рассмеялся.— Просто адресуют «на деревню дедушке» — «капитану Гранину». Не признают майором.

Он говорил весело, с прибауточкой, с доброй усмешкой, этот смелый в бою человек.

— Кажется, ущучили,— доверительно сказал он, показывая на фотографический план немецких позиций,— засекли ту самую, злодейскую. Сегодня будем уничтожать. Народ на орудиях как узнал — загорелся: зуб на нее есть, на эту батарею. Напоганила она Ленинграду. Хотите глянуть в натуре?

Мы вышли из квартиры и направились вверх по засыпанной штукатуркой и осколками снарядов лестнице.

2. ЦЕЛЬ «531»

Майор нырнул в узкую чердачную дверь, и вслед за ним я очутился на чердаке, под самой крышей, развороченной, как и все вокруг, прямыми попаданиями. К присущим всем чердакам специфическим букетам примешивался

горький запах обгоревших стропил: этот ленинградский дом горел уже не раз. Сквозь сети проводов мы проникли в укромный уголок, облюбованный артиллерийскими разведчиками для наблюдательного пункта.

В тесной каморке за плащ-палаткой стояли телефоны, два стула и укрепленная на помосте стереотруба. К трубе приник худощавый артиллерийский офицер Юрий Курсков, командир разведчиков, москвич, воспитанник столичной спецшколы. Над ним на стропилах я разглядел листочки всевозможных таблиц и схем—изображения ориентиров в сфере влияния пушек дивизиона Гранина, схему «подведомственных» ему немецких батарей и прочие оперативные документы.

— Как, Курсков, она все еще молчит?

— Молчит с утра, товарищ майор. Стреляют другие батареи.

— Это они хитрят,— решил Гранин.— Хорошо бы их вызвать на огонь. Хотите взглянуть?

Майор уступил мне на несколько минут стереотрубу. Стекла прибора приблизили дачные места, где ленинградцы проводили летние дни своей мирной жизни, контуры разрушенных дворцов и лощину фронта, где сейчас вспыхивали огоньки перестрелки. На перекрестке я увидел тот же лесок, что и на фотоснимке, какие-то бугорочки и за ними, видимо, батарею: майор советовал во время операции наводить бинокль именно на этот лесок. Внезапно в поле зрения, где-то очень близко, на переднем плане, возникли какие-то фигурки, они заслонили весь горизонт за стеклами оптического прибора.

— Что это? — спросил я Гранина, уступив ему окуляры.

Майор вздохнул и сквозь зубы процедил:

— Ленинградские дети. Дети войны. Бегают по переднему краю на огороды — никаким огнем не прогонишь. Знаете, куда легче воевать, когда их не видишь... Эх, да что там! А ну, Курсков, дай-ка трубочку: если корректировщик в воздухе, начнем работу.

Он назвал позывной — внизу, в квартире, в каморке возле кухни, телефонист соединил майора с командным пунктом,— там откликнулся начальник штаба Рзянин. Начальник штаба доложил, что самолет в воздухе, связь с ним установлена, он просит дать контрольные залпы. Гранин отдал необходимые приказания. После контрольной стрельбы он опять вызвал начальника штаба:

— Ну, как «Голубь»? (речь шла о корректировщике).

Самолет отказывался корректировать стрельбу, ибо над целью нависли густые, плотные облака.

Мы вернулись в «квартиру Гранина», где майор опять склонился над фотоснимком. Исход операции настолько волновал всех, что в комнату под разными предлогами забегал то Желтов, то еще кто-либо из разведчиков. Во второй половине дня нам сообщили, что самолет вылетел, и майор тут же очутился на чердаке. Мы услышали характерный свист снарядов: Желтов доложил, что цель «531» начала бить по Ленинграду. Резким голосом, выдававшим напряжение его нервов, майор сказал:

— Самое подходящее время начинать. Подумают, что работаем на подавление. Это запутает противника...

Я схватил бинокль и навел его на тот самый лесок, где находилась батарея: там сейчас вспыхивали огоньки ее выстрелов. Она била по Ленинграду, и, быть может, в этот миг на улицах этого города лилась кровь. Майор отдал команду — и в стеклах бинокля вспыхнули столбы дыма, пламя поднялось за теми буграми, весь дом сотрясался от нараставшего артиллерийского гула, одна за другой вступали в бой наши батареи, их могучий и грозный голос звучал над окраиной Ленинграда, как голос возмездия.

— Хорошо даете! — лаконично передавали с самолета-корректировщика, и на чердаке «квартиры Гранина» и на всех батареях упоенно повторяли эти два коротких слова.

Люди всей душой переживали этот час расплаты за памятное кровавое ленинградское воскресенье, эти люди были до предела цельны в остроте своих чувств, они понимали значимость этого дня, этой маленькой артиллерийской операции, которая спасала жизнь не одному десятку ленинградцев.

...На другой день я позвонил на «квартиру Гранина», интересуясь результатами стрельбы.

В. В. Рослякова — конструктор завода имени Жданова, избранная недавно депутатом Кировского райсовета.

— Пока молчит,—сообщил майор.—По правилам артиллерии, считается «приведенной к молчанию».

На третий день я снова позвонил майору:

— Молчит?

— Считаю подавленной,— весело ответил майор,— на законном основании.

И дней через шесть на мой телефонный звонок Гранин сообщил:

— По всем правилам, «подавлена надежно». Думаю, что навсегда. Пять дней ни одного выстрела. Можно считать: сработано «по-хановски».

— Ну что же, так и сообщим: цель «531» уничтожена,— заметил я и сказал майору, что собираюсь написать в военной газете о его действиях под Ленинградом и о «квартире Гранина».

Майор помолчал, потом спросил:

— Вы хотите, чтобы ленинградцы не вернулись в свою квартиру?.. Тогда забудьте ее адрес. Будете писать — пишите: дом за баррикадой — и все. Никаких опознавательных знаков. Иначе немцы завтра же обрушат на нашу квартирку огонь всех своих батарей...

Я знал, что дом этот получил уже 23 снаряда, но это были случайные снаряды: немцы не знали, что этот дом — «глаза» подвижной артиллерии. И, разумеется, я «забыл» адрес этого дома и написал об энской квартире за энской баррикадой.

3. КВАРТИРА РОСЛЯКОВА

Но вот прошли годы, и перед тридцатилетним юбилеем нашей Советской Армии я решил разыскать «квартиру Гранина» и посмотреть, что делается в доме, за жизнь которого бились славные матросы. В Ленинграде в морозный январский день 1948 года я приступил к поискам «дома за баррикадой». Любой, даже случайно встреченный ленинградец готов был помочь мне: жителям этого города дорого все, что связано с памятью о мужественной борьбе тех дней. Однако как найти этот дом?

Новые дома? Но они есть на любой окраине Ленинграда, и после войны их число умножилось. Баррикады? Но весь Ленинград был в баррикадах. Заставы? За каждой заставой начинался фронт.

Ленинградцы называли адреса различных корректировочных постов — на вышке мясокомбината, на Доме Советов. Адреса «квартиры Гранина» никто не знал. Пришлось поехать по следам блокады.

Удивительно быстро залечил город глубокие раны войны: это резко бросается в глаза, когда ищешь следы прошлого. Ни надписей военного времени, ни развалин, ни остатков баррикад в Ленинграде не найдешь. Я был в домах, где помещались летчики, саперы, танкисты, где за жизнь и свободу Ленинграда умирали воины нашей армии,— с большой любовью вспоминали о них жители, но трудно было установить, где именно стояла та или другая часть. И вот за Нарвской заставой, за мостом железной дороги, под которым находилась памятная баррикада, я нашел «дом Гранина», нашел с помощью вездесущих мальчишек, уже успевших изучить военную историю своего «края». Это дом № 106 по проспекту Стачек, один из жилых домов Судостроительного завода имени Жданова, построенный в 1939 году. Недалеко от него находится Арка Победы, воздвигнутая после прорыва блокады под Ленинградом.

Разумеется, признаков былого разрушения я не нашел: заделан фасад, восстановлен и отбитый снарядами угол под крышей, и чердак стал обычным чердаком. Управхоз, старый ленинградец Сергей Борисович Мазырин, провел меня в квартиру № 33 — «квартиру Гранина».

Я позвонил. Мне показалось, что вот-вот откроется дверь и я увижу гангутского снайпера Желтова или Ивана Петровича Щербановского, а то и сам Борис Митрофанович Гранин выйдет навстречу. Но дверь открыла незнакомая старушка — Евдокия Яковлевна Рослякова, хозяйка квартиры. Я извинился и объяснил причину своего появления. Старушка захлопотала, повела нас на кухню, где было теплее всего, и там, в каморке, где когда-то стоял переносный коммутатор и телефонист выкрикивал: «Квартира Гранина слушает!» — мы увидели хозяина квартиры и главу семьи Василия Кононовича Рослякова.

Рослый худощавый старик с трудом поднялся на постели и с какой-то неловкостью произнес:

— Впервые в жизни заболел — воспаление легких перенес. Понимаете, с 1912 года работаю на заводе — ни разу не болел и ни одного прогула. А тут беда: полтора месяца валяюсь. Я еще в архив не хочу, жду дня, когда смогу на работу выйти.

— Это тебя караси подвели, Коныч, — ухмыльнулся управхоз, — седьмой десяток человеку, а он на болото за карасями таскается...

— От карасей не простынешь,— строго заметил старик,— а ты вот полвека прожил, тоже не молод, а в доме холодно... Топил бы, друг, получше...

Видимо, опасаясь развития этой сугубо жилищной темы, управхоз поспешил уйти, а я стал расспрашивать старика о его семье. Вот вкратце, что он рассказал мне.

Василий Кононович Росляков — старейший питерский пролетарий, мастер железнодорожных путей завода имени Жданова. Сорок пять лет он работает на ленинградских предприятиях и тридцать шесть из них без перерыва на одном заводе. На этом же заводе вырос и его сын — ныне инструктор Кировского райкома партии,— здесь же работает конструктором и его дочь Валентина Васильевна.

Когда были построены на проспекте Стачек новые дома, Василий Кононович переехал в эту квартиру. Перед войной он остался с женой и дочерью: сын уехал в Якутию на комсомольскую работу (вернулся он только после войны, с фронта).

15 сентября 1941 года семья Росляковых должна была эвакуироваться из фронтовой полосы. Старик не пожелал уезжать из Ленинграда: завод оставался в Ленинграде. Ему дали квартиру на Петроградской стороне, и оттуда через весь город пешком ходил он на старую территорию завода ремонтировать разбитые снарядами железнодорожные пути. Евдокия Яковлевна, как и все ленинградские женщины, входила в группу самозащиты: она отстаивала от зажигалок дом на Петроградской стороне, где временно жила ее семья в годы блокады. За заслуги перед Родиной и Ленинградом Евдокия Яковлевна награждена медалью «За оборону Ленинграда». Иногда всей семьей, поддерживая друг друга, обессилевшие от голода Росляковы отправлялись на огороды, находившиеся перед домом № 106, в зоне фронта.

В апреле 1944 года семья Росляковых вернулась в родное гнездо. «Квартира Гранина»

Песня о Родине

М. ИСАКОВСКИЙ

Александру Фадееву

Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне.

(Русская народная песня)

1

Та песня с детских лет, друзья,
Была знакома мне:
— Трансвааль, Трансвааль —
страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Трансвааль, Трансвааль —
страна моя!..
Каким она путем
Пришла в смоленские края,
Вошла в крестьянский дом!

И что за дело было мне,
За тыщи верст вдали,
До той страны, что вся в огне,
До той чужой земли!

Я даже знал тогда едва ль —
В свои двенадцать лет,—
Где эта самая Трансвааль
И есть она иль нет.

И все ж она меня нашла
В Смоленщине родной,
По тихим улицам села
Ходила вслед за мной.

И понял я ее печаль,
Увидел тот пожар.
Я повторял: — Трансвааль,
Трансвааль! —
И голос мой дрожал.

И я не мог уже — о, нет! —
Забыть про ту страну,
Где младший сын —
в тринадцать лет —
Просился на войну.

Впервые песня, может быть,
Открыла мне тогда,
Как надо край родной любить,
Когда придет беда;

Как надо Родину беречь
И помнить день за днем,
Чтоб враг не мог ее поджечь
Погибельным огнем...

2

Трансвааль, Трансвааль —
страна моя!..
Я с этой песней рос.
Ее навек запомнил я
И, словно клятву, нес.

Я вместе с нею путь держал,
Покинув дом родной,
Когда четырнадцать держав
Пошли на нас войной;

Когда пожары по ночам
Пылали здесь и там
И били пушки англичан
По нашим городам;

Когда сражались сыновья
С отцами наравне...
— Трансвааль, Трансвааль —
страна моя,
Ты вся горишь в огне...

3

Я пел свой гнев, свою печаль
Словами песни той,
Я повторял: — Трансвааль,
Трансвааль! —
Но думал о другой—

О той, с которой навсегда
Судьбу свою связал,
О той, где в детские года
Я палочки срезал;

О той, о русской, о родной,
Где понял в первый раз:
Ни бог, ни царь и ни герой
Свободы нам не даст;

О той, что сотни лет жила
С лучиною в светце,
О той, которая была
Вся в огненном кольце.

Я выполнял ее наказ
И думал я о ней...
— Настал, настал суровый час
Для Родины моей;

Настал, настал суровый час
Для Родины моей,—
Молитесь, женщины, за нас —
За ваших сыновей...

4

Мы шли свободу отстоять,
Избавить свет от тьмы.
А долго ль будем воевать,
Не спрашивали мы.

Один был путь у нас —
вперед!
И шли мы тем путем.
А сколько нас назад придет,—
Не думали о том.

И на земле и на воде
Врага громили мы.
И знамя красное нигде
Не уронили мы.

И враг в заморские края
Бежал за тыщи верст.
И встала Родина моя
Во весь могучий рост.

Зимой в снегу, весной в цвету
И в дымах заводских,
Она бессменно на посту,
На страже прав людских.

Когда фашистская чума
В поход кровавый шла,
Весь мир от рабского ярма
Страна моя спасла.

Она не дрогнула в боях,
Не кланялась врагам.
И пал, поверженный во прах,
Берлин к ее ногам.

Стоит страна большевиков,
Великая страна.
Со всех пяти материков
Звезда ее видна.

И все дороги к счастью ей
Открыты до конца.
И к ней — к стране, что всех
родней,—
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать.
Она живет, и будет жить,
И будет побеждать!

5

...Трансвааль, Трансвааль!.. —
Я много знал
Других прекрасных слов.
Но эту песню вспоминал,
Как первую любовь;

Как свет, как отблеск той зари,
Что в юности взошла,
Как голос матери-земли,
Что крылья мне дала.

...Трансвааль, Трансвааль!..—
моя страна,—
В лесу костер ночной...—
Опять мне вспомнилась она,
Опять владеет мной.

Я вижу синий небосвод,
Я слышу бой в горах:
Поднялся греческий народ
С оружием в руках.

Идет из плена выручать
Судьбу своей земли,
Идет свободу защищать,
Как мы когда-то шли.

Идут на битву сыновья
С отцами наравне... —
— Трансвааль, Трансвааль —
страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Пускай у них не те слова
И пусть не тот напев,
Но та же правда в них жива,
Но в сердце тот же гнев.

И тот же враг, что сжег
Трансвааль,
Извечный враг людской,—
Направил в них огонь и сталь
Безжалостной рукой.

Весь мир, всю землю он готов
Поджечь, поработить,
Чтоб кровь мужей и слезы
вдов
В свой бизнес превратить;

Чтоб даже воздух, даже свет
Принадлежал ему...
Но все народы скажут: — Нет!
Вовек не быть тому!

И за одним встает другой
Разгневанный народ,
На грозный бой, на смертный
бой
И стар и млад идет.

И остров Ява, и Китай,
И Греции сыны
Идут за свой родимый край,
За честь своей страны;

За тех, что в лютой кабале,
В неволе тяжкой мрут,
За справедливость на земле
И за свободный труд.

Ни вражья спесь, ни злая месть
Отважным не страшна.
Народы знают: правда есть!
И видят, где она.

Дороги к счастью — с ней
одной
Открыты до конца,
И к ней — к стране моей
родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать.
Она живет, и будет жить
И будет побеждать!

Февраль, 1948.

снова стала квартирой Росляковых. Старик застеклил окна, залатал пробоины, а в 1945 году завод капитально отремонтировал дом.

Сейчас в квартире собралась вся семья. Старик ждет внуков: сын вернулся в дом с женой. Все на том же заводе работает и его дочь. Недавно жители дома № 106 по проспекту Стачек избрали дочку Рослякова Валентину Васильевну депутатом в Кировский районный Совет Ленинграда.

4. МЕЖДУГОРОДНИЙ РАЗГОВОР

Но куда же скрылись временные обитатели квартиры № 33, те, кто отстоял ее от немцев?

Спустя несколько дней в Риге я узнал кое-что об их судьбе. Мне сказали, что подполковник Гранин за эти годы сменил много квартир и ныне живет в приморском городе Лепае. Мне дали его телефон.

Я вызвал Лепаю. Передаю междугородний телефонный разговор, состоявшийся между нами:

— Квартира Гранина? Бориса Митрофановича к телефону...

— Это Гранин,— услышал я знакомый голос,— здравствуйте. Удачно позвонили: у меня сегодня большой праздник — избран депутатом в городской Совет. Что?.. Да, выходит, я теперь житель Лепаи, коренной... Да погодите, товарищи, не мешайте говорить!.. Да, да, извините, это меня тут друзья торопят — мои избиратели. И притом все старые друзья — Борис Андреевич Рзянин, другие соратники по службе... Что? Были на моей квартире? На какой? Ах, на ленинградской, на проспекте Стачек! Замечательно! Ну, не ругают меня там хозяева за мусор? Ругают!

Гранин на минутку замолчал, всерьез приняв мою шутку, потом сказал:

— Неудобно, действительно, убрать не успели. Мебели много попортили. Но ведь, знаете, какая жизнь была: как блокаду прорвали, так вперед, на плечах у немцев до самой Германии... Неудобно перед людьми, черт возьми... Так неужели ругают?.. Ах, пошутили?.. Ну, то-то. Не могут ругать: война была...

Он повеселел, и я как бы увидел перед собой его хитроватое казацкое лицо с прищуренным, смешливым взглядом. Минуты нашего разговора истекали. Я спросил:

— Как поживают ваши дети?

— Дети?.. Пишут, не забывают. Щербановский в Ленинградском торговом порту, Желтов...

— Нет, Борис Митрофанович, я спрашиваю не о «детях капитана Гранина», а о ваших родных детях...

— А мне и те дети родные, роднее быть не может... А сын мой учится в шестом классе Нахимовского училища, и, представьте себе, тоже подполковником меня не признает. «Я,— говорит,— сын капитана Гранина» — и баста...

Нас прервала телефонистка, и мы не успели договориться о встрече...

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

У Кировского завода. Отсюда они, старые красногвардейцы, и их сыновья пошли по Ленинграду, по памятным местам, где боролись путиловцы за революцию и социализм. Слева направо: Олег Рыбаков, А. С. Никифоров (дядя Саша), В. В. Васильев («трижды Василий»), Лев Никифоров и А. С. Рыбаков.

К. БУКОВСКИЙ

Фото М. Трахмана

Тимофею Ильичу пятьдесят четыре. Никифоров Александр Степанович, дядя Саша, на пять лет старше его. Да, они и тогда уже не были юнцами, эти люди, что сидят вокруг стола,— кто посасывая трубку, кто дымя в задумчивости саженной самокруткой. Только душа у них, должно быть, как и нынче, была совсем молодая. Иначе и быть не могло. Для того, чтобы вот так, как Тимофей Ильич или как «трижды Василий», бежать под пулями через Миллионную, надо было успеть хлебнуть от горечи жизни, но юность души сберечь нетронутой.

Сейчас, сидя за столом, они рассказывают о том времени и о себе. Часто поправляя друг друга, они вступают в спор, и тогда в скупую сдержанность повествования врывается вдруг новый, трепещущий жизнью эпизод.

Спокойствие в этих случаях покидает стариков:

— А я говорю, в девятом... Еще Федор Дергач...

— Ха, Дергач... Дергач в ту пору только что с флота прибежал.

— Не хотел Керенского защищать, вот и убежал.

— Ну, а пушечная за кого стояла?

— Это, брат, иллюзии. Иллюзии лопнули, и мастера за нами пошли.

— Иван Газа тоже башенщиком был.

— Его в окопах просветили.

— А пушкарей — на Невском, в июле.

— Да нет, многих раньше. Владимир Ильич двенадцатого мая весь эсеровский мусор из голов повытряхнул. Эх, братцы, как он говорил! Меня агитировать не надо было, но и у меня, не поверите, что-то горячее по нутру прошло: земля, мир, власть Советам...

— Я в Харькове был и то слышал. От нашей прокатки по всей России разошлось.

— И все-таки не в девятом, Александр Сергеевич. В семнадцатом номере сначала штаб помещался. На Новосивковской, 17.

— Это когда еще дружины были, а когда в сотни сошлись...

Стихавший было спор вновь разгорается. Его разрешают, ссылаясь на жену покойного «Киселя», бывшего начальника штаба красногвардейских отрядов Нарвско-Петергофского района Ивана Ивановича Киселева. Друзья вспоминают, как вышла она однажды вместе с мужем на балкончик дома на Новосивковской держать речь перед красногвардейцами, но сказать ничего не могла и только махнула им рукой на прощанье. А после, когда Иван Иванович был уже директором и его попрежнему донимала злобная чахотка, полученная еще при царизме во время безработицы, жена выводила его на такой же балкончик дышать заводским воздухом.

Я думаю: «А может, и вправду им путиловский воздух помогает, ведь ничто не взяло их: ни время, ни болезни».

Рассказывает Васильев Василий Васильевич, «трижды Василий». Лицо у него худое, птичье, темные волосы виснут прядями. Руки, длинные, в жилах, неподвижно отдыхают на коленях. Говорит он медлительно, доставая слова откуда-то из глубины себя:

— Мы все тут родились, за Нарвской. Мать моя, Пелагея Даниловна, ей 74 года, и сейчас работает на заводе. Отец Тимофея Ильича, Семенов Илья Тимофеевич, сызмала и до старости в кузнице, и его отец, Тимофей Ильич,— тоже. И сам Тимофей, вот он, с завода только на войну отлучался, два раза. Так же и другие.

В Красную гвардию мы пошли потому, что Ленин сказал: надо браться за оружие! Потом Сталин на VI съезде партии, — он тут, за Нарвской, под нашей охраной проходил,— опять этот призыв повторил. После июля дело стало ясным: без оружия не выйдет.

Раньше дружины были при районе. Но в них не всем можно было винтовки доверить. Путиловцы решили: создадим свою гвардию. Записывались, за кого цехком ручался. Многие — семьями. Тимофей Ильич с отцом и братом Владимиром, он потом майором был на финской. Ипатов Петр Автономович, Никитин Петр Дмитриевич, Соболев Василий Иванович, теперь заводской инженер. Мы с Васьковым Константином к пулемету: я — первым номером, он — вторым. Дяди Саши тогда с нами не было: он украинский красногвардеец. Всего же тысяч около двух, должно, путиловцев вошло в отряды — кто в пулеметный, кто в Стальной артиллерийский, кто в саперный, окопы копать. Был еще отряд связи и кавалеристы. Только они лошадей не дождались и на фронт пешком ушли.

Первое боевое крещение на Луге приняли и у Пулковских высот, против Корнилова. Ну, а потом, накануне главного дня, Вася Алексеев мне говорит: «Будь готов, завтра выступаем». Встретились мы с ним в рабочем клубе на Старо-Петергофском проспекте, ныне проспект Газа. И той же ночью выступили. Вторая сотня — к Смольному, охранять Ильича с его штабом революции. Другие отряды — к телеграфу, на телефонную станцию, к «Астории». Большинство же — к Зимнему, против юнкеров и женского смертного батальона. Мне пришлось со стороны Александровского сада, Тимофею Ильичу — с отрядом от Миллионной, еще сотне — с Дворцовой набережной, а пушки путиловские с Полицейского моста через Мойку долбить по Зимнему изготовились...

Это все было, как описано: и выстрел с «Авроры», и атака, и как матросы в Зимний ворвались, а вместе с ними и некоторые путиловцы... Мне потом, в сорок втором году уже, Васьков Константин говорил: «Все-таки доконали мы, Василий, последний оплот самодержавия. Я так полагаю, что и этот фашистский оплот под Ленинградом доконаем». Он не дождался, Васьков: умер в рабочем батальоне у ворот завода. Память вечная второму номеру. Не знаю, правда ли, но он говорил, будто сам попросился дом Романовых расстреливать. Зол он был на царей, а на фашистов — тем более.

Революцию произвели, но попользоваться ею сразу не пришлось. Как полезла белая и всякая заграничная нечисть со всех сторон, понадобилась опять наша Красная гвардия. Уже не две, а больше десяти тысяч путиловцев взялись за оружие.

Кто где воевал,— не перескажешь. У меня лично на памяти Матвеев курган и Ростов на Дону остались. И еще одна балка под станицей Синявка. Там ранили казаки Федора Дергача. Самого-то Федора мы вытащили из балки, а сестру, которая его перевязывала, после уже у казаков отбили, лежала штыком к земле приколотая. Тоже была красногвардейка.

На Дону мы узнали о том, что вышел декрет о Красной Армии. Утром бой вели в городе, возле собора. Днем трамвайщики пригласили нас, путиловцев, на обед. А вечером пришлось белых в домах добивать: из окон стреляли. В такой обстановке объявлено нам было о переходе красногвардейских отрядов на устав Красной Армии. Кто не хотел, мог сдать винтовку каптенармусу.

Мы выслушали приказ и задумались. Там, на Новосивковской, мы принимали устав, первый пункт которого гласил: «Рабочая Красная гвардия есть организация вооруженных сил пролетариата...» И дальше о задачах: она должна подавлять провокации темных сил, защищать свободу от контры, отстаивать завоевания революции. В новом уставе, похоже, то же самое сказано, только сил теперь прибавится. И пошли мы опять, не говоря ни слова, в бой.

И так весь восемнадцатый и следующий, девятнадцатый, да и двадцатый тоже, до того числа, как взяли мы Перекоп. Тут мне вышла передышка. В Армянском Базаре убило подо мной коня. А меня потом уже из земли достали без одного сапога. Ноги целые, а сапога нет. В общем год и восемь месяцев «отдыхал» в госпиталях. И белых давно прикончили, и четырнадцать государств, хвост поджав,

убрались восвояси, а я все лежу и двинуться не могу на своих на двоих. Такая скверная контузия!

Но однажды не вытерпел. Взяла тоска по заводу, ну, нет больше никакой возможности. Слез с койки и пошел. И так дошел до механического. Токаря обступили в цеху, спрашивают: «С какого кладбища ты явился?» Я без слов резец вставляю. Простоял до конца смены. «Давай, — говорю, — еще. Жива гвардия!»

Василий Васильевич привстает, распрямляя сутулую спину, и я вижу перед собой рабочего человека, дух которого и преданность превозмогли, и много раз, должно быть превозмогали в жизни все немощи его тела. Как ни ломай судьба такого человека, он все остается собой: таким же сильным духом и таким же преданным своему заводу и своей рабочей революции.

Остальные пятеро смотрят на Василия Васильевича одобрительно. Они не перебивали его, пока он рассказывал, находя все правильным. И теперь я жду вместе с ними, что скажет он дальше, как опишет тот немыслимо тяжелый труд, который выпал на долю вернувшихся с фронта гвардейцев. Как передаст он историю возвращения к жизни пустых и холодных корпусов завода, историю строительства новых гигантских цехов, возникших в годы восстановления и реконструкции? Какими словами поведает он о рождении первых заводских турбин, помогших большевикам-гидротехникам превратить бесполезную энергию рек в источник социалистического прогресса, о выпуске первых в стране путиловских тракторов, этих орудий революционного взрыва старой, капиталистической деревни? Мы ждем, но Василий Васильевич молчит: либо он не может оторваться от прошлого либо его занимает какая-то новая, пришедшая ему в голову мысль.

— Видишь ты, какое дело,— произносит он наконец.— Все как будто повторилось в точности, а нет, не так, по-другому.

О чем он? А, о блокаде...

— Объясни-ка лучше ты, Александр,— говорит вдруг Василий Васильевич, садясь и снова складывая руки на коленях.— Ты больше всех нас от немцев пострадал.

Мы оборачиваемся к Рыбакову. Такой же сухой фигурой, как и Василий Васильевич, с таким же худым лицом и быстрым взглядом умных открытых глаз, только светловолосый, он знаком мне по кадрам хроникального фильма «Ленинград». Слесарь-путиловец Рыбаков в Красной гвардии. Мастер-путиловец Рыбаков за монтажом турбины. Путиловец-ополченец Рыбаков уходит с Кировской дивизией на защиту города от немцев. Отец и сын Рыбаковы встречаются дома после прорыва блокады... Что можно прибавить к этим кадрам?

— Уходило нас шестеро, — говорит Александр Сергеевич, — сын Сергей, племянники Глеб и Александр, шурины Иван и Георгий. Вечером шестого июля прибегает Сергей и говорит: «Отец, там уже запись идет. Василий Васильевич записался, Тимофей Ильич... Ты пойдешь?» «Подожди, — говорю, —дай чаю попить». Потом подошли племянники с шурьями. Смотрю я на них. «Ох, молоды, — думаю, — погодить бы им». Да ведь как жить без Ленинграда?.. Через три дня все вшестером и тронулись на станцию Батецкая. Ты правду сказал, Василий, похоже, как в семнадцатом году.

А что же не так? Сыновья, они и тогда не отставали от отцов. Танки и самолеты — в семнадцатом их действительно маловато было...

— Да что там гадать! — отзывается из угла дядя Саша. — Позади другое оставалось.

Василий Васильевич светлеет:

— Вот это верно. Тогда шли от мрака к мечте. Кто с сознанием, кто очертя голову, лишь бы только добыть, что обещала революция. Большевикам тогда верили, за ними правду чуяли, но саму-то правду о будущем еще никто за мякоть не трогал. Ее только умом можно было ощутить. А тут на готовое счастье враг навалился. За спиной у нас социализм стоял. Все вместе сошлось: и прежняя наша кровь, и труд, и дети, которым только-только жизнь проглянула. Я перебил тебя, Александр Сергеевич.

— Да нет, я только хотел сказать, что дорого слишком в этот раз обошлось. Молодежь-то моя не вернулась. Один Олег остался.

— И моего Анатолия нет. Получил от него письмо: «Читали воззвание старых путиловцев. Буду бороться за Ленинград до последней капли крови». И больше не было писем.

— В гвардии сражались.

— Они и должны были быть в гвардии: рабочая кровь.

— Мой Петр уже из Австрии прислал треугольку: «Помнишь, отец, как мы от пятой школы вместе уходили? Ты ничего, не намного отстал». Хотел я ему ижицу потом, дома уже, прописать, да где там: гвардейский офицер, три нашивки за ранения. Но он не баловазный пришел, нет. Без чинов к токарному встал.

Это, наконец, подает свой голос молчаливый Тимофей Ильич. Он не встревал до сих пор в беседу, дожидаясь очереди. Но отцовская гордость взяла в нем верх над привычной скупостью речи.

— И жену заводскую взял. Теперь опять в доме жить можно. А то ведь дошло, хоть к соседям за словом иди. Никого: ни Петра, ни Владимира, ни матери. Мать, она так и умерла за Нарвской. Никуда не хотела уезжать. «Ты мне урезай,— сказала,— сто граммов от своего солдатского пайка».

— А ведь так и делали,— отзывается с горячностью, словно оправдываясь в чем-то, Рыбаков.— Путиловцы на фронте первые предложили отдавать сто граммов хлеба ленинградцам.

— Да, да, получали,— успокаивает его Василий Васильевич.— Ты же знаешь, я с рабочим батальоном при заводе оставался. Видел не раз: идут, бывало, наши женщины с лопатами к Шереметьевскому парку, блиндажи строить. Ветром их качает, а они еще по три кирпича с собой несут. И в платке сто граммов, остальные — детям.

Все умолкают. Потом меняют разговор.

— Ты куда уезжаешь, Александр Сергеевич?

— Еще не знаю, где строители раньше управятся. Может, на Восток, может, на Запад.

— Опять с турбиной?

— Мое дело теперь такое — монтажное. Не успеваем турбины ставить.

— А Петра Автономовича почему нет?

— По депутатской обязанности отлучился.

— Завтра партийный актив в районе.

— Да, четыре года сравнялось после блокады.

— Александр Степанович, ты теперь старыми путиловцами командуешь. Держи, брат, ответ и за новую, послевоенную турбинку и за третью сборку.

— Надо бы в газету от красногвардейцев: «К 23 февраля выполнить месячную программу!»

— Мысль хорошая. А ну-ка вспомним, где мы были в этот день тридцать лет назад! Василий Васильевич на Дону казаков приводил в сознание. Петр Дмитриевич на путиловском бронепоезде вместе с Иваном Газа воевал. Рыбаков под Кыштымом белых усмирял. Тимофей Ильич под Лозовой с гайдамаками рубился. Ну вот, а теперь против кого мы наступление ведем?

— Враг все тот же — капитал.

— Когда ж, братцы, окончательно свернет ему шею рабочий класс?

— Придет время, свернет. По-нашему, по-путиловски: раз, два и напрочь. Тамошний рабочий класс, вроде Васькова Константина, на царей и на всех фашистов зол.

— Ну, а у нас своя забота: пятилетку — в четыре года.

— Да, брат, это — тоже наступление. И нам, старикам, тут без дела не сидеть.

Я слушаю этих людей и думаю снова: «Вот она, гвардия!». Старая и вместе с тем никогда не стареющая рабочая гвардия. Она шла с оружием на штурм дворцов. Она вынесла на своих плечах тяжесть трех русских революций, прошла сквозь годы смертельной борьбы с врагами, взрастила на полях гражданской войны новые поколения советских воинов и сама поднималась вместе с ними на защиту социалистического отечества. Теперь она трудится на коммунизм, не щадя ни своих лет, ни возраста детей, ни покоя жен.

Старая большевистская гвардия.

У домика на Новосивковской улице. Здесь помещались райком большевиков и штаб Красной гвардии Нарвско-Петергофского района (вверху слева). У Дворца культуры за Нарвскими воротами. Здесь на месте дворца был домик, где заседал под охраной путиловцев VI съезд большевистской партии (вверху справа). Возле Зимнего. Его штурмовала Красная гвардия Путиловского завода вместе с революционными матросами в октябре 1917 года, и вместе с ними был Александр Сергеевич Рыбаков (внизу слева). У пятой школы. Отсюда старые красногвардейцы вместе с Кировской дивизией заводского ополчения уходили в 1941 году на фронт защищать свой родной Ленинград (внизу справа).

В годы гражданской войны

Шел тысяча девятьсот восемнадцатый год...

Английские, американские, японские, французские и итальянские интервенты, не объявляя войны, вторглись на территорию молодой Советской республики. Империалисты больших, средних и малых государств двинули свои отборные войска против советских народов, чтобы уничтожить завоеванную ими свободу и независимость, чтобы раздробить на части, а потом уничтожить еще не окрепшее государство рабочих и крестьян. Интервенты двигались с юга и севера, с востока и запада. Каждый жаждал принять участие в разграблении России, урвать для себя кусок пожирнее. Там, где проходили интервенты и белогвардейцы, оставались виселицы и штабеля трупов расстрелянных, стлался удушливый дым пожарищ, по дорогам и лесам пробирались ограбленные, разоренные люди.

Против внешних и внутренних врагов на защиту советской власти встала молодая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, рожденная в феврале 1918 года.

«Социалистическое отечество в опасности!» — на этот зов партии поднялась вся страна. Сотни тысяч трудящихся вступали добровольцами в Красную Армию. На фронт ушла почти половина коммунистов и комсомольцев.

На полях Украины и Белоруссии, в горах Кавказа и Урала, в сибирской тайге, в среднеазиатских пустынях, на Волге, Каме, на Амуре, на Белом море и Дальнем Востоке, под Курском, Воронежем, Орлом воины Красной Армии, верные сыны народа, в кровопролитных битвах защищали родную советскую власть.

Железным кольцом окружили интервенты и белогвардейцы Советскую Россию. Войска и флот Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Франции, Японии, Италии блокировали ее. Империалистические хищники хотели задушить Советскую Россию. Полчища интервентов и белогвардейцев получали от своих хозяев новейшее вооружение и боеприпасы, снаряжение, обмундирование, продовольствие. Враги считали положение Советской России безнадежным. Пресса капиталистических стран называла даже сроки «неизбежного» крушения советского строя.

Но молодая Советская Армия, плоть от плоти и кровь от крови своего великого народа, сильная революционным духом, сознательностью и сплоченностью, один за другим наносила жесточайшие удары на всех фронтах.

Советскую Армию создала большевистская партия, создали Ленин и Сталин. И эта армия стала непобедимой. Она разгромила белогвардейские войска Краснова и Корнилова, Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля, разбила и вышвырнула вон иностранных интервентов.

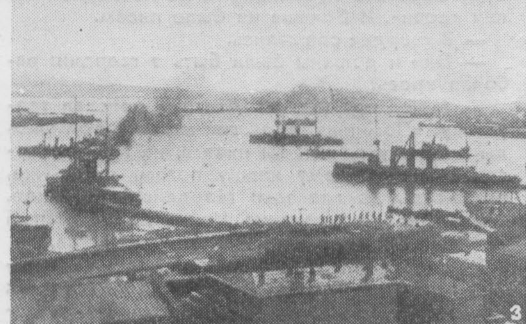
«Армия республики победила на всех фронтах.
В одну благодарность сливаем слова
тебе,
краснозвездная лава.
Вовеки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!» —
писал в те дни Владимир Маяковский.

* * *

Сохранились многочисленные снимки, отображающие героические дела времен гражданской войны. Рабочие и крестьяне в красноармейских шинелях, простые, мужественные, молодые, смотрят на нас с этих снимков. Где ныне этот боец за свободу и счастье трудящихся? Дорогие, близкие сердцу, исторические фотокадры!

1

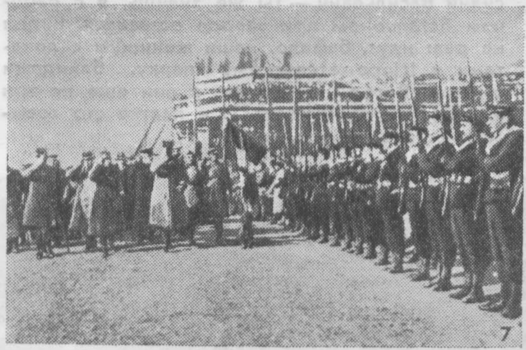
2


3

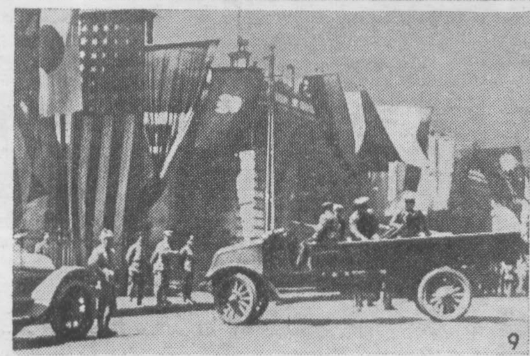
4

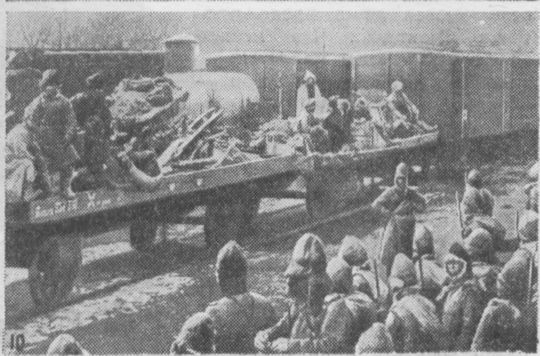
5

6


7

8


9


10

Мы видим Михаила Ивановича Калинина, выступающего перед бойцами легендарной Первой Конной армии на Крымском фронте (фото 1). Ростов взят! По улицам освобожденного города проходят части Красной Армии (фото 2).

Вот фотодокументы-обличители! Войска интервентов высадились в русских портах. Японцы и американцы, англичане и французы, итальянцы и немцы хозяйничают на русской земле, творят свой «суд и расправу»... Во Владивостокском порту дымят американский крейсер «Бруклин», английский — «Суффолк», японский — «Ивами» и другие военные корабли интервентов (фото 3). На западе советской страны, в древнем русском городе Пскове, шагают немецкие оккупационные войска (фото 4). Ноябрь 1918 года. Английский генерал Пуль приезжает к Деникину на Кубань. «Я прислан своей страной, чтобы узнать, как и чем вам можно помочь. С большим удовольствием, с большим желанием мы дадим вам эту помощь», — заверяет посланец правительства Великобритании белогвардейского генерала Деникина (фото 5). И империалисты не замедлили с помощью. Французские инструкторы укрепляли Перекоп, устанавливая на позициях дальнобойные орудия французского производства (фото 6). Французский генерал Жанен принимает парад морского десанта на Дальнем Востоке (фото 7). Интервенты чинят страшную расправу над революционными русскими рабочими. На снимке: трупы расстрелянных японцами железнодорожников (фото 8). Над главным штабом интервентов во Владивостоке свисали их знамена: «солнечное»—японское, «звезды и полосы» — Соединенных Штатов, трехцветное — французское, британское, итальянское и прочие — несть им числа... (фото 9). Но под ударами наступающей Красной Армии интервентам очень скоро пришлось свернуть свои знамена и бежать из Советской России. Последними бежали японцы (фото 10).

Враги советской страны были разгромлены.

Армия-освободительница

Скоро три года с тех пор, как Советская Армия — освободительница закабаленных народов Европы — подняла красное знамя над поверженной цитаделью фашизма — Берлином, — принесла всему передовому человечеству радостный День Победы.

Сотни миллионов трудящихся во всех странах мира не забыли этого великого торжества справедливости и гуманизма, как не забыли они и военных усилий советского народа и его героической армии в годы войны.

Весь советский народ ковал победу и участвовал в избавлении порабощенных гитлеризмом стран Европы от страшной кабалы.

Наши воины прошли путь славы — от Сталинграда до Берлина и Праги. Громя врага, они освобождали целые страны и народы. Это был трудный путь. Но решимость довести до победного конца свою освободительную миссию придавала им неиссякаемую силу.

Каждый советский воин помнил наказ своего любимого вождя и великого полководца. «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков, — сказал товарищ Сталин в своей речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года. — На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

И советские люди оказались достойными этой миссии. Свободу и справедливость — высшие законы гуманизма и демократии — принесли они на еще недавно порабощенные земли. И там, где побывали советские воины, навсегда остался глубокий след высокой человечности.

В дни празднования 30-летия Советской Армии миллионы людей за рубежом славят ее вместе с нашим народом, славят гений великого полководца товарища Сталина.

Корреспондент «Огонька» обратился к нескольким офицерам Советской Армии, участникам освобождения европейских государств, находившихся под пятой фашизма, с просьбой рассказать о боевых походах тех дней.

Вот что они рассказали.

«Живио Сталин! Живио Тито!»

Подполковник И. Т. Сысоев

Стоял октябрь 1944 года. Рыбаки придунайских деревушек привели к нашим береговым частям челноки и маленькие рыбацкие лодки. Группа советских автоматчиков переправилась на другой берег, к югославским партизанам. Этот маленький клочок земли — место первой встречи воинов двух союзных стран — был назван впоследствии Дунайским плацдармом. Отсюда начались совместные наступательные действия советских войск и Народно-освободительной армии Югославии.

...Белград был охвачен стальной подковой наших наступающих частей. Советская артиллерия не давала фашистам передышки. В воздухе стоял сплошной гул. Мои огнеметчики тоже держались молодцом: они работали с той методичной уверенностью, которая свойственна победителям. Но немцы упорствовали. Они располагали крупными силами и создали в городе несколько сильно укрепленных рубежей. Подступы к первой линии неприятельской обороны были густо заминированы. На дорогах, ведущих к Белграду, дежурили меченые крестами и свастикой «фердинанды» и кочующие минометные батареи. Впрочем, я уверен, что уже в те дни сами немцы не сомневались в исходе сражения. Советская артиллерия есть советская артиллерия, и они прекрасно это понимали. Ведь шел четвертый год войны!

Массированным ударом был прорван внешний обвод немецкой обороны. Наши части вместе с воинами маршала Тито ворвались на городские окраины и завязали уличные бои.

Жители Белграда помогали нам уничтожать немцев. Я помню, как, рискуя жизнью, к нам пробрался пожилой человек. Это был белградский рабочий. Он принес важные сведения о местонахождении большого отряда гитлеровцев. Таких случаев во время уличных боев в Белграде было много. Пренебрегая опасностью, местные жители всячески помогали нам. Они показывали самые короткие пути и проходные дворы, ведущие к немецким огневым точкам, были проводниками наших разведчиков и оказывали много других услуг. Изведав все ужасы гитлеровской оккупации, белградцы были счастливы, что могут оказать содействие своим братьям, солдатам Народно-освободительной армии Югославии, и нам, советским воинам.

Четыре дня шли бои за Белград.

...Когда советские войска проходили по центральным улицам и площадям освобожденного города, толпы белградцев, ликуя, приветствовали нас. Это была поистине народная встреча.

— Живио Сталин!

— Живио Тито!

— Живио Червона Армия!

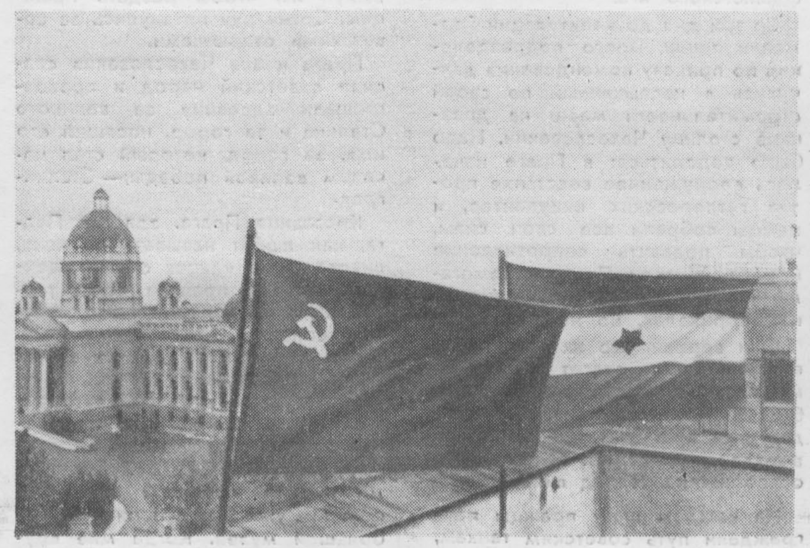
В этих возгласах были выражены чувства, которые заполняли сердца всех. Я видел, как седая, сморщенная старушка обнимала молодого, безусого русского солдата из Рязани; я видел, как белградские девушки забрасывали цветами советских танкистов; я видел, как матери высоко поднимали своих детей, чтобы они могли лучше рассмотреть нас.

Через два дня мы провожали в последний путь наших боевых товарищей, отдавших свою жизнь за освобождение югославской столицы. Весь Белград был с нами в этот скорбный час.

В освобожденной Варшаве

Подполковник И. Л. Жуковский

Многострадальная польская столица претерпела все ужасы немецкого варварства. Фашисты разрушили целые кварталы, улицы. Город представлял собой сплошные руины, сплошное пожарище. Было пустынно. Прошло несколько часов, прежде чем я увидел первого жителя, рискнувшего покинуть свое убежище. Варшавяне, которые оставались в



Белград в день освобождения от немецких захватчиков. Югославский и советский флаги над городом.
Фото Е. Халдея и Л. Леонидова (ТАСС).

Болгарский народ приветствует советских воинов-освободителей.
Фото А. Григорьева

городе, были до такой степени душевно травмированы, что вид даже пленных немцев приводил их в ужас.

Зато как близких и родных встретили они советских воинов. Варшавяне признавались, что не ожидали увидеть у нас такую мощную технику. Люди подходили к танкистам и просили разрешения пощупать броню танков. Их радости не было границ, когда они узнали, что такими же мощными танками советский народ вооружил части Польского войска.

С первых дней освобождения советское командование начало помогать населению Варшавы расчищать завалы, восстанавливать город. В эти дни на многих разрушенных зданиях я видел надписи на польском и русском языках: «Мы возродим тебя, родная Варшава! Нам в этом поможет Сталин!» И население Варшавы не ошиблось. Несмотря на стремительность наступления наших частей, советское командование выделило отряды, которые продолжали работать в городе.

«Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря блестящим победам советского оружия...» — так писали по случаю освобождения Варшавы в телеграмме великому Сталину руководители польского правительства.

Это было признанием великих заслуг армии-освободительницы.

Помню, за несколько дней до наступления на Варшаву был такой случай. Нужно было проверить кое-какие данные разведки, а для этого незаметно проникнуть на другой берег Вислы и, захватив «языка», так же скрытно вернуться к определенному часу обратно. Задание было ответственное: от его выполнения зависели день и час наступления на Варшаву. И когда командир подразделения стал подбирать подходящих людей, нашлось огромное количество добровольцев.

— Пошлите меня! Пошлите меня!—слышалось со всех сторон.

Это один из бесчисленных примеров не только отваги советского воина, но и его горячего желания быстрее протянуть руку помощи угнетенному народу.

Под Будапештом

Гвардии полковник А. Я. Сошников

Мне пришлось участвовать во многих кавалерийских сражениях и рейдах наших конников, но одно из них особенно ярко запечатлелось в моей памяти.

Я вспоминаю озеро Балатон: оно часто упоминалось в сводках Советского Информбюро. Между ним и Дунаем другое небольшое озеро — Веленце. Оно разделяет на две почти равные части полосу земли, на которой шли упорные бои. Здесь немцы хотели во что бы то ни стало прорваться к Будапешту. Местность между озером Веленце и Дунаем представляла собой своеобразные ворота венгерской столицы, и противник прилагал все усилия, чтоб соединиться со своей окруженной группировкой.

Обстоятельства сложились так, что нашему кавалерийскому соединению после неоднократных рейдов девять дней пришлось сдерживать яростное наступление отборных танковых дивизий «СС». Они пытались ударить в тыл советским частям и тем самым облегчить положение немецкой группировки в Будапеште.

Никогда, пожалуй, донским казакам не приходилось выдерживать таких яростных атак. Но люди, пришедшие из донских степей к берегам Дуная, не устрашились этой ярости. Приказ командования был выполнен: казаки не отступили. Скоро подоспели наши резервные части, и вслед за тем мы перешли в решительное наступление. Успех боев за Будапешт был решен.

Через некоторое время после взятия Будапешта я снова проезжал по местам боев. Передо мной предстало кладбище разбитой немецкой техники. Хорошо поработали советские воины! Немало «грузов» пошло отсюда на трофейную выставку в Москву; я осматривал ее после окончания войны и невольно вспомнил битвы наших кавалерийских гвардейских частей под Будапештом.

Будапешт. Советские воины с красным знаменем у здания парламента.

Фото О. Кнорринга

Венский лес

Полковник А. А. Масленников

Я должен откровенно признаться, что до войны знал Венский лес лишь по кинофильму «Большой вальс». Зато в 1944 году мне пришлось познакомиться с этим лесом очень близко.

Наступая на Вену, танковые части, в которых я служил, пробивались к городу со стороны леса. Через смотровую щель я видел завалы из гигантских деревьев, брошенных поперек дороги, толстые, еще не потемневшие бревна, вбитые в землю. Вокруг царил хаос, и ничто не напоминало идиллический Венский лес времен Иоганна Штрауса...

Позже выяснилось, что немцы перед отступлечием не успели уничтожить город: так стремительно наступали наши части. Советские войска охватили город с трех сторон. У противника остался один выход — отступать по дунайским мостам на левый берег реки. Но и эти коммуникации находились под огнем нашей артиллерии.

Первый вéнец, с которым мне пришлось встретиться, был старый австрийский музыкант. Я поселился в его квартире. У старика была большая нотная библиотека, и в ней подобраны все лучшие произведения Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова...

— Как же вы не сожгли эти ноты при гитлеровцах? — спросил я своего хозяина. — Ведь вы рисковали очень многим.

Старик строго посмотрел на меня. Он сказал, что ему в течение многих лет действительно приходилось прятать от посторонних глаз русские ноты, но сжечь их... ему легче было бы умереть самому!

— Господин офицер, эта библиотека — вся моя жизнь. Поймите: здесь Глинка, Чайковский, Вагнер, Штраус!.. — и после паузы музыкант добавил: — Помогите мне сохранить ноты! Ведь ваши солдаты могут уничтожить их...

Вена. Герой Советского Союза гвардии старшина Н. Сергиенко возлагает венок на могилу композитора Иоганна Штрауса.

Фото А. Григорьева

Старик просил охранную грамоту. Он привык к тому, что победители предают огню и мечу все, что попадет им под руку. Мне долго пришлось объяснять ему, что советские солдаты неспособны на такие поступки.

Он окончательно поверил моим словам, когда увидел, как части Советской Армии помогали населению Вены восстанавливать разрушенные мосты, памятники культуры, когда на улицах Вены раздались звуки штраусовских вальсов. Они лились из радиорупоров, установленных советскими воинами на улицах, и вéнцы, счастливые, танцовали прямо на тротуарах.

Прага вновь улыбается

Капитан И. Г. Николаев

Прага, первая жертва гитлеризма в этой страшной войне, последней была освобождена из-под фашистского ига.

За три дня до капитуляции Германии танки моего подразделения по приказу командования двинулись в неслыханный по своей стремительности марш на древнюю столицу Чехословакии. Надо было торопиться: в Праге началось вооруженное восстание против гитлеровских оккупантов, и немцы собрали все свои силы, чтобы подавить сопротивление народа. Жители Праги изнемогали в неравной борьбе, умирали на баррикадах, но не сдавались.

Они верили, что их спасет Советская Армия, спасет Сталин. Их надежды оправдались. Могучим броском советские танковые части достигли пражских предместий и ворвались в город. Прага была освобождена. Народ ликовал.

На каждом шагу пражцы преграждали путь советским танкам, чтобы пожать нам руки, обнять нас, выразить свою благодарность. Они приносили нам подарки и были счастливы, когда получали и от нас московские сувениры. У меня в кармане нашлось несколько почтовых открыток. Я вынул их, чтобы раздать пражцам. Сотни рук потянулись за советскими открытками.

Прага и вся Чехословакия славили советский народ и провозглашали здравицу за великого Сталина и за город, носящий его имя, за город, который стал началом великой победы,— Сталинград.

Красавица Прага, золотая Прага, как любят называть ее чехи, ликовала. На улицах освобожденного города пражцы пели, танцовали, и им аплодировали советские солдаты. В этот день жители Праги впервые за долгое время вновь улыбались.

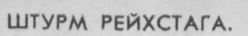
Через несколько дней я отправился на поиски домика, где происходила историческая Пражская конференция РСДРП. Заботливыми руками пражских коммунистов там уже был организован небольшой музей. Когда мне вручили книгу посетителей, я увидел, что за эти дни здесь успели побывать сотни советских воинов и жителей Праги.

ПО ПЕРЕДНЕМУ КРАЮ. Фото О. Кнорринга

ПАРТИЗАНЫ УКРАИНЫ. Фото И. Шагина

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ ШЕШУПУ. 1944 год. Фото М. Савина



ШТУРМ РЕЙХСТАГА.

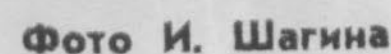


Фото И. Шагина

ПАРАД ПОБЕДЫ. Фото И. Шагина

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ АРТИСТОВ В ТАНКОВОЙ ЧАСТИ. Фото Дм. Бальтерманца

Заир Азгур

На сельских ярмарках Белоруссии пользовался когда-то доброй славой гончар Петр Потапенко. Посуда у него была обливная — горшки, корчаги, макитры, — из чудесной глины, без пор, без трещин, с веселым глянцем, и от щелчка по боку издавала она малиновый звон.

Но привлекал Потапенко покупателей не только прочностью, звоном и глянцем, но и красотой своих изделий. Горшки у него на возу пестрели, как букеты цветов — красных, белых, синих, зеленых. Благородные формы сосуда украшали цветы и орнаменты. Иногда среди корчаг и макитр, на радость малышам, на удивление взрослым, красовались игрушки: петухи, козочки, крутогорие бараны.

— Как живые!

И когда слышал от покупателя такую похвалу гончар, он с уважением поглядывал на своего помощника — подростка Заира. Во взгляде Петра Потапенко подмастерье читал слова:

— А что я тебе говорил...

А говорил гончар своему подмастерью всегда одно: каждая фигура должна быть, как живая. Он учил Заира Азгура не только владеть глиной: мять ее, формовать, обжигать, — но и помнить, что его творение должно быть похоже на живое, настоящее, человеку милое и полезное. И чтоб была в нем пригожесть.

Пригожесть — красоту вещей, сделанных подмастерьем, — гончар ценил очень высоко. Только однажды, когда подмастерье вылепил кувшин причудливой формы с узким горлом, Потапенко сказал:

— Для чего ж оно? Для воды малое, а молоко в нем сквасить нельзя. Непригоже...

Так старый белорусский гончар, первый наставник будущего скульптора, учил его не отрывать формы от содержания, думать не только о красоте вещи, но и о ее назначении. Азгур лепил все, что видел вокруг. И Потапенко первый внушил ему смелую мысль:

— А меня ты сможешь вылепить?

Азгур вылепил. Долго глядел гончар на свое изображение и сказал, наконец, веско и твердо:

— Пригоже! Будет из тебя мастер. Человекороб. Учиться тебе надо.

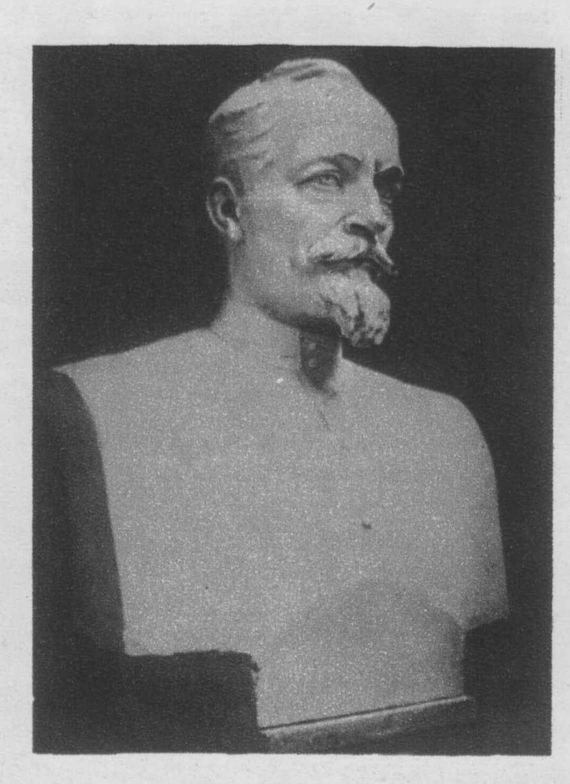
А Заир Азгур давно уже учился...

На перекрестках проселочных белорусских дорог, которыми колесил воз гончара, подолгу стоял он у распятий над колодцами. Ни тоски, ни печали, ни примирения никогда не видел Азгур на лице Христа. Народные белорусские резчики брали для его воплощения то, что давала им окружающая жизнь. И распят был у колодцев не «царь небесный», зовущий к всепрощению, а закаленный страданием, как будто изо всех сил стремящийся оторваться от креста, как Прометей от скалы, белорусский мужик — мускулистый, суровый, упорный, с большими, узловатыми, мозолистыми руками.

Не раз ходил Заир в Витебск на Задунайскую улицу, где работали резчики по дереву. У них он постигал секреты народного мастерства.

Многое узнал и многому научился Заир Азгур у народных мастеров, когда в 1923 году поступил в Витебский художественный институт. Через год он уже участвовал в выставке. Среди его первых работ большой успех выпал на долю скульптуры «Лясун». Это был не леший, не таинственный персонаж белорусских легенд, а хозяин леса, человек — его знаток и повелитель.

В чертах «Лясуна» угадывался старый лесничий Юган из деревни Молчаны, Мокшанской волости, где родился Азгур. Не страшные и таинственные истории нашептали Азгуру белорусские пущи, а печальные героические повести о людях, могучих духом, — тружениках, творцах, созидателях.



Ф. Э. Дзержинский.

И они стали главными героями молодого скульптора. «Слесарь», «Отдыхающий кирпичник», «Старый крестьянин» — вот образы, вдохновившие Азгура.

Жизнь рождала тысячи новых образов и сюжетов. Но для их воплощения нужны умелые руки, знания, техника. И Азгур в 1926 году поступил в Ленинградскую академию художеств. Мало было порядка в те времена в Академии, и Азгура не привлекали ни воинствующие формалисты, ни сухие, уравновешенные академики. В 1928 году он уехал из Ленинграда в Киевский художественный институт, затем перебрался в Тбилиси.

В 1929 году Азгур вернулся на родину, в Белоруссию, обогащенный знаниями, опытом. Первой его работой была сюита «Люди моего города». Это были писатели, актеры, трактористы, строители. Скульптор чувствовал огромное влечение к стилю народной, белорусской резьбы. Это не было нарочитым примитивизмом или стилизацией. Нет, просто, как только пластелин попадал в руки к Азгуру, он вспоминал коричневые, потемневшие на ветру, вырезанные из дерева мускулистые руки Христа у колодца, вспоминал резные и глиняные игрушки на ярмарках, которые он сам когда-то делал. Вековой опыт народного искусства направлял его руку.

Азгур делал памятники, монументы, скульптуры для Белорусского павильона Сельскохозяйственной выставки и заявил о себе как большой и своеобразный мастер. И, естественно, когда встал вопрос о художественном и архитектурном оформлении Дома правительства в Минске, он был привлечен к этой работе. Ее возглавлял М. Манизер. Это была вторая встреча Азгура с большим мастером. Манизер когда-то преподавал в Академии художеств рисунок, а теперь у него с бывшим учеником была работа, в которой практически решались главнейшие творческие задачи скульптуры: пропорция, композиция и построение.

Вторая встреча с Манизером обогатила Азгура творчески, заставила его по-новому осмыслить ленинский завет о монументальной пропаганде, ее идейной целеустремленности. Скульптурный портрет или монумент на улице, на площади и в общественном здании — это человек, высоко поднятый над землей как образец для подражания, как пример, которому должны следовать люди. Он должен быть романтическим, приподнятым, монументальным и человечески простым. Такими были в двухфигурной композиции, установленной на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, Ленин и Сталин, которых вдохновенно изваял Азгур. В образе каждого своего героя он стремился показать все то, чем был славен и велик человек.

Этот принцип Заир Азгур реализует во всем своем творчестве. В 1943—1944 году ему присуждена Сталинская премия за бюсты Героев Советского Союза Молодчего, Сельницкого и Родимцева.

Для каждого скульптурного портрета Азгур избирает форму, прекрасно выражающую содержание образа. Белокурый гигант, с глазами, которые как бы отливают голубизной, дважды Герой Советского Союза Грицевец предстает перед нами с робкой, почти застенчивой улыбкой. Это простой парень из Новогрудка. Он стал героем в боях у Халхин-Гола и обессмертил свое имя подвигом. Богатырская мощь в плечах и застенчивая улыбка на лице — может ли выразительней и точней все сказать о человеке его монумент?!

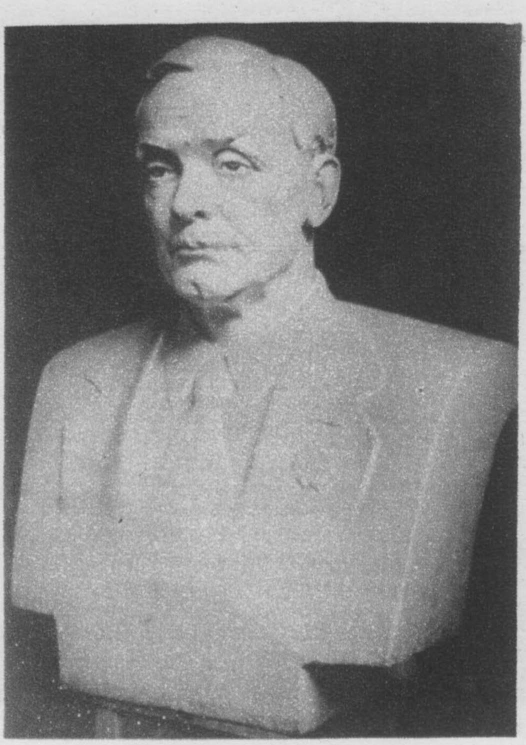
На Бородинском поле будут установлены бюсты Багратиона и Барклая де Толли. Чтобы рассказать правду о двух полководцах, скульптор средствами своего искусства показывает нам две человеческие судьбы — два различных характера. Один — весь порыв и действие, другой — спокойствие и размышление.

Азгур обладает редким свойством — наделить каждого из своих героев бесподобно живым, выразительным взглядом. И глаза, как подлинное зеркало души, не только освещают светом жизни монумент, но и придают эмоциональную выразительность и экспрессию каждому портрету.

Знание народного искусства, его славных традиций, передовое воззрение художника-коммуниста указали Азгуру единственно правильный путь к совершенству — борьбу за социалистический реализм в искусстве. Его труды по достоинству оценила его родина — Советская Беларусь: ему присвоено звание народного художника БССР, и он избран депутатом Верховного Совета республики. Недавно З. Азгур избран членом-корреспондентом Всесоюзной академии художеств.

Е. ВУЧЕТИЧ, В. СУХАРЕВИЧ

Дважды Герой Советского Союза Грицевец.



Белорусский поэт Янка Купала.

Полководец Багратион.

„Садко“

ЛЮБИМАЯ РУССКАЯ ОПЕРА

50-летие ПЕРВОЙ ПОСТАНОВКИ

Первая постановка оперы «Садко» в Москве, в 1898 году. Приезд заморских гостей. Декорации К. Коровина.

«Со времен Глинки русская музыкальная литература еще не имела такого высокого образца художественного воплощения русского народного стиля», — так охарактеризовала музыкальная критика оперу Римского-Корсакова «Садко» после первого ее исполнения, состоявшегося в Москве пятьдесят лет назад.

Эта замечательная опера пробила себе путь на сцену ценою больших усилий и ее постановка доставила немало огорчений автору.

В петербургской театральной дирекции «опера никому не понравилась», — вспоминал впоследствии Римский-Корсаков. Директор императорских театров Всеволожский сказал композитору, что постановка «Садко» была бы слишком дорога и затруднительна, добавив: «К тому же, есть другие произведения, которые дирекция обязана поставить по желанию членов царской фамилии..»

«Что это за опера?» — спросил Николай II у Всеволожского при его докладе царю. И узнав, что «Садко» по музыке «несколько напоминает предыдущие оперы того же композитора — «Младу» и «Ночь перед рождеством», — царь вычеркнул ее из репертуарного списка, заявив: «В таком случае нечего ставить «Садко», пусть вместо этой оперы дирекция подыщет что-нибудь повеселее».

Перед «скучной» оперой были закрыты двери императорских театров. А между тем именно эта опера требовала таких богатых средств — оркестра, хора, балета, декораций, больших ансамблей,—которыми располагала только казенная сцена.

Неизвестно, как долго партитура «Садко» оставалась бы под спудом, если бы оперой не заинтересовался руководитель московской частной оперы Савва Иванович Мамонтов. В течение короткого времени спектакль был подготовлен. Декорации к «Садко» написал К. Коровин.

По отзыву автора, опера была плохо разучена. В оркестре иногда звучали фальшивые ноты, нехватало некоторых инструментов. Все же у публики опера имела громадный успех.

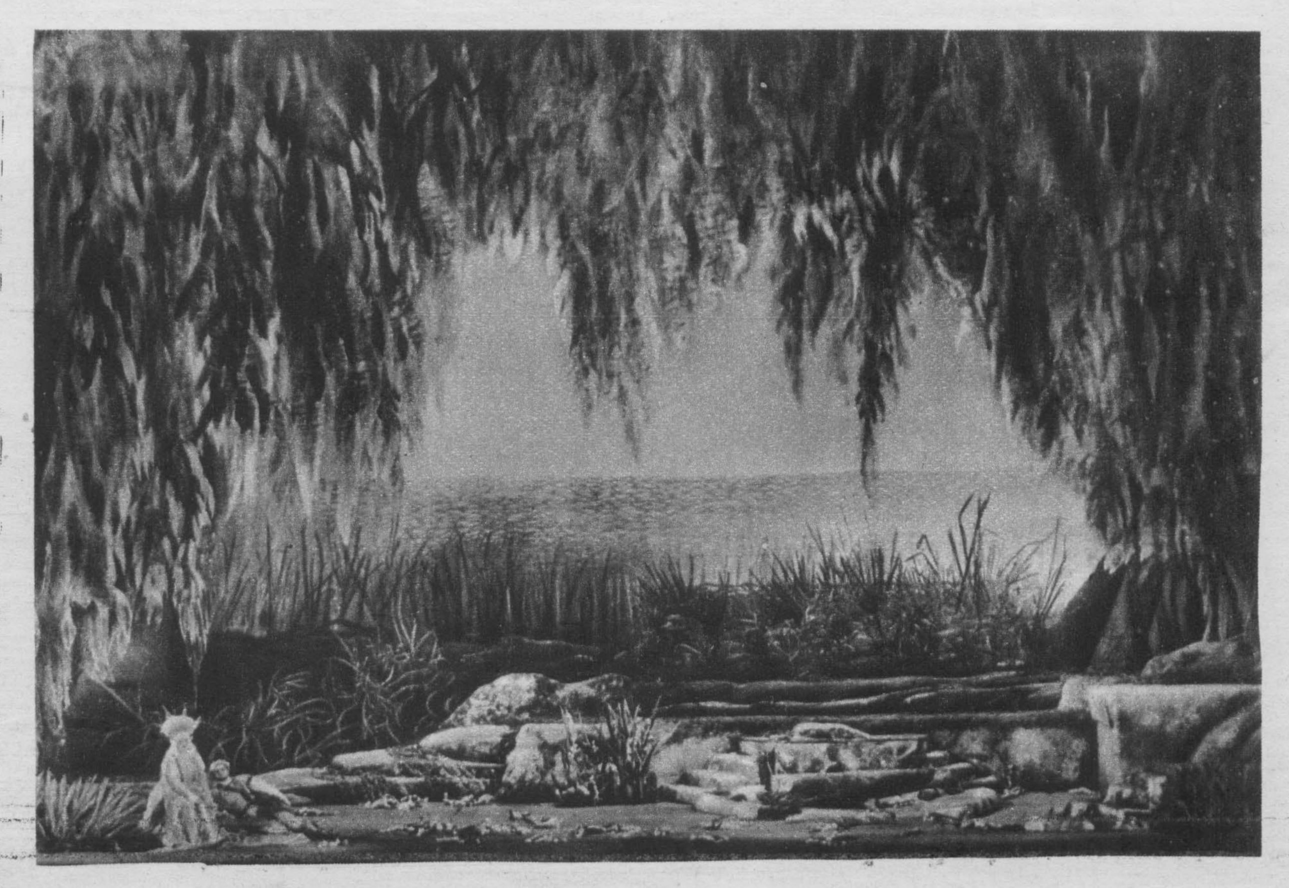
Только спустя несколько лет, после ряда триумфов на частных сценах, опера Римского-Корсакова была поставлена в Мариинском театре, где к тому времени сменилось руководство. А в 1906 году эту оперу поставил и Большой театр. Дирижировал Вячеслав Сук.

«И такую-то оперу, когда она десять лет тому назад была написана, посмела отвергнуть дирекция императорских театров в Петербурге!» — писали после этой премьеры московские газеты.

С большим размахом и блеском прошло возобновление «Садко» Большим театром в 1935 году — под управлением А. Мелик-Пашаева, в декорациях Ф. Федоровского.

«В этой опере реальное и фантастическое, драматическое и бытовое находятся между собой в полной гармонии», — так охарактеризовал «Садко» сам композитор.

Проникнутая светлой жизнерадостностью, овеянная благоуханной поэзией русской природы, русской старины, русских народных легенд и поверий, опера-былина «Садко» вошла в историю как одна из вершин оперного искусства нашей Родины.



Опера «Садко» в Большом театре. Вторая картина — берег Ильмень-озера. Декорации Ф. Федоровского.

Путь многих

И. СЕМЕНОВА и Е. БРАГИН

В дни Великой Отечественной войны работники советского искусства, как и все советские люди, отдавали все силы фронту.

1300 тысяч концертов и спектаклей было дано бойцам Советской Армии. Ведущие деятели искусства — народные и заслуженные артисты — выезжали со специальными программами и спектаклями на передовые позиции.

Крупнейшие режиссеры, балетмейстеры и хормейстеры руководили военной самодеятельностью. Художники и скульпторы запечатлевали в своих творениях героические подвиги советского народа.

Немало работников искусства встало на защиту своей социалистической Родины с оружием в руках.

Пребывание в Советской Армии духовно обогатило их и научило мужеству, требовательности и взыскательности к себе, оно дало возможность работникам искусства расширить свой кругозор, глубже познать жизнь, людей, характер советского человека и отобразить его в творчестве.

Мы рассказываем о пяти молодых артистах, представителях различных видов искусства, в годы Отечественной войны сменивших сцену на поле брани и вернувшихся с победой к родному искусству. Их путь — путь многих...

Дирижер

21 июня 1941 года Сергей Гаврилович Делициев дирижировал в оперно-драматической студии им. Станиславского. Свершилась мечта молодого артиста: он из Саратова перевелся в Москву и поступил в столичный театр.

А 24 июня 1941 года Делициев лейтенантом ехал уже по направлению к городу Вязьме, чтобы принять командование пехотным батальоном.

Прошло три месяца. Батальон получил ответственное задание — выбить немцев из маленькой деревеньки, расположенной на западном берегу извилистой, быстрой реки.

Бойцы Делициева форсировали реку и с боем прорвались к деревне. До ближайшей хаты было не больше пятидесяти метров. Успех казался обеспеченным. Но вдруг откуда-то сзади яростный пулеметный ливень начал хлестать по атакующим. Делициев, залегший в канавке, заметил фашистского пулеметчика, который засел в дупле раскидистого старого дуба, метрах в пятнадцати от него. Пулеметчик намеренно пропустил бойцов, чтобы стрелять им в спину.

Делициев бесшумно пополз к дубу. Но вдруг осенний лист зашуршал под ним. Из дупла донесся стрекот пулемета. Лейтенант почувствовал жгучую боль в ногах.

Решив, что с ним покончено, фашист вновь открыл пулеметный огонь по наступающим бойцам. У Делициева была противотанковая граната. Бросать ее полагается из укрытия, в противном случае можно и самому взорваться. Но Делициев, не раздумывая, приподнялся на локте и швырнул гранату в дупло. С огромной силой его самого подняло в воздух и затем бросило наземь. Делициев потерял сознание и не увидел, как его бойцы лавиной ворвались в деревню.

Тяжело раненого лейтенанта отправили в глубокий тыл, в Томск. Спустя полгода Делициев выздоровел и выписался из госпиталя. Медицинская комиссия признала его, однако, негодным к несению военной службы. Сергей Гаврилович опротестовал решение комиссии. Его признали ограниченно годным и направили в военно-морское училище заместителем начальника. Оттуда Делициев перевелся в действующий Балтийский флот и был назначен командиром десантного судна.

В 1946 году Сергей Гаврилович вернулся в Оперно-драматический театр имени Станиславского и был назначен заведующим оперным отделением и дирижером театра. На первую репетицию Делициев пришел в морской форме. Нервным движением взял в руки дирижерскую палочку и постучал ею по пульту.

Волновались все: и дирижер, и оркестранты, и артисты театра. Пять лет перерыва — немалый срок.

Первые же репетиции показали, что мастерство дирижера стало глубже, в нем появилась внутренняя созидательная сила, повысилась требовательность к себе и оркестру.

Всю свою энергию он обратил на создание советского оперного спектакля. В театре была осуществлена постановка оперы В. Крюкова «Дмитрий Донской», которой дирижировал Делициев.

Героическое прошлое русского народа, созвучное дням Великой Отечественной войны, было ему особенно близко и понятно. Сейчас дирижер работает над новой советской оперой.

Рисунки О. Верейского

Режиссер

Эшелон с бойцами коммунистического батальона Красной Пресни двигался на запад, к Вязьме. В числе бойцов был ушедший на фронт добровольцем режиссер Андрей Гончаров.

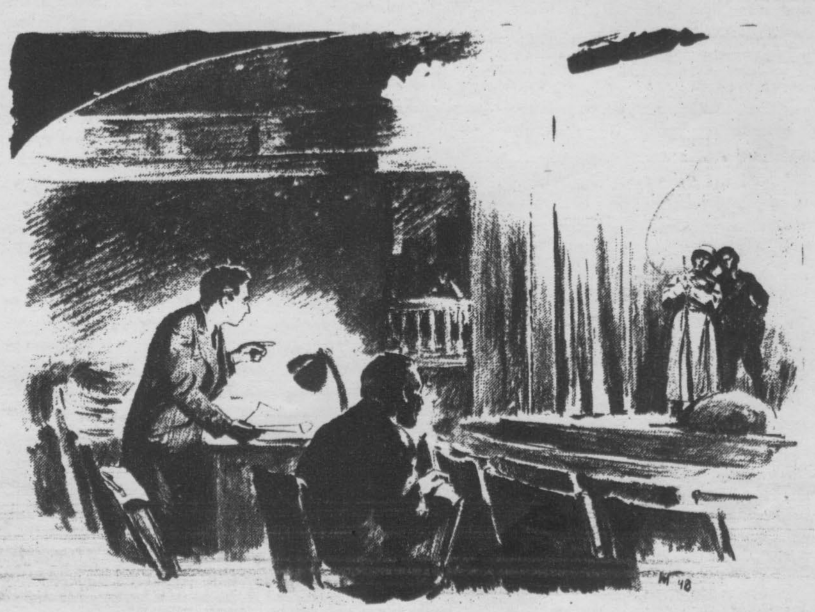
Хорошая физическая подготовка, занятия в школе ворошиловских всадников, в альпинистской секции определили его военную профессию конного разведчика. Вскоре Гончарову было присвоено звание лейтенанта и его назначили командиром взвода.

Однажды разведчики расположились на ночлег в густой роще. Только бойцы улеглись, как вдруг началась минная атака. Осколком мины Гончаров был ранен в руку и потерял сознание. Придя в себя, он услышал на опушке стрельбу: немцы, прорвав заслон, атаковывали рощу. Гончаров собрал взвод и повел его в контратаку. Завязалась горячая перестрелка. Немцы бежали...

В 1943 году в Москве и других городах начали формировать фронтовые театры. Андрей Гончаров был назначен директором и главным режиссером 1-го фронтового театра. За три года этот театр совершил много поездок на фронты Отечественной войны, побывал в Ленинграде, на северном фронте и везде неизменно встречал радушный и горячий прием со стороны бойцов.

Опыт работы во фронтовом театре Гончаров подытоживает сейчас в своей диссертации, которая так и называется: «Фронтовые театры». Большой отпечаток наложила боевая деятельность на его режиссерскую работу. В драматургии Гончарова прежде всего волнует и привлекает тема дружбы, товарищества, сильный русский национальный характер. В ряде театров он ставит спектакли советских драматургов на темы о Великой Отечественной войне.

Поставленный им в Театре сатиры в 1946 году спектакль «Женитьба Белугина» А. Н. Островского получил высокую оценку на всероссийском смотре театральной молодежи.



Рисунки И. Гринштейна

Эксцентрик

Рисунки О. Верейского

Зимою 1944 года Н-ский истребительный противотанковый полк принимал участие в отражении контратаки крупных танковых соединений немцев, пытавшихся остановить наступление советских войск в одном из районов Прибалтики. Пушки выкатывали из засады и били в упор, прямой наводкой, по движущимся танкам.

Сержант Русанов осуществлял связь передовой со штабом.

Несмотря на серьезные потери, враг не прекращал атаки. Ряды истребителей танков тоже редели. В один из моментов боя, когда Русанов докладывал по телефону о том, что появились новые немецкие машины, разрывом снаряда был уничтожен орудийный расчет, находившийся от него в нескольких метрах. Из семи человек уцелели лишь двое. Тогда Русанов подбежал к ним, и они втроем стали вести огонь из орудия.

После боя командир полка вручил Русанову медаль «За отвагу».

Через несколько дней, когда Русанов передавал по телефону очередное донесение, начальник штаба сказал ему:

— Только что из Москвы передавали по радио письма на фронт. Послушайте текст письма, адресованного вам:

«Дорогой Сережа! Искренно и сердечно поздравляем тебя с правительственной наградой. Нам радостно и приятно, что наш товарищ и друг артист Сергей Русанов оказался прекрасным бойцом. Недалек день — и мы снова увидим тебя на эстраде...»

Последних слов Русанов не расслышал: противник открыл огонь, и связь была нарушена. Значительно позже узнал он фамилии подписавшихся под письмом: «Русланова, Утесов, Дарский, Миров, Набатов, Смирнов-Сокольский».

До войны молодой артист Сергей Русанов со своей неизменной партнершей Татьяной Леман исполнял на эстраде номер, в котором соединялось искусство ритмического танца с жонглированием, игрой с обручами, манипуляциями и пр. В первые дни Отечественной войны Русанов добровольцем ушел на фронт и демобилизовался лишь в 1945 году. Теперешнее творчество Сергея Русанова стало значительно злободневнее и острее. Своим новым номером «Настоящие джентльмены» Русанов и Леман, высмеивая современные нравы буржуазного Запада, вызывают одобрение зрителей.

Актриса

По окончании утреннего спектакля группа мхатовцев поехала на агитпункт вокзала, где в 4 часа назначен был концерт для бойцов, отъезжающих на фронт. В числе выступавших был руководитель 2-го курса актерского факультета Театрального института, заслуженный артист РСФСР В. В. Белокуров.

Рисунки В. Богаткина

Во время исполнения он увидел в группе бойцов свою студентку Нину Суржикову. Как только кончился концерт, Нина подбежала к своему педагогу и захлебывающимся от счастья голосом сообщила ему, что сейчас она уезжает на фронт.

Летом 1944 года артиллерийский полк, в котором Суржикова служила топографом, расположился на отдых в небольшой деревушке. Ночью артиллеристов разбудили ружейные выстрелы. Шоссе было перехвачено немцами, и два дивизиона оказались отрезанными от остальных частей дивизии.

Надо было во что бы то ни стало выбить немцев из их позиции. Батарея открыла огонь; грохотали ружейные залпы бойцов, залегших во ржи. Суржикова подносила патроны. Вскоре появились раненые; медчасти не было, и топографу пришлось вспомнить занятия на курсах медсестер в первые дни войны и попытаться заменить собой медчасть. Она вытаскивала раненых из-под обстрела, перевязывала их и ползла обратно. К ночи подоспели наши части, и немцы были разбиты.

В 1945 году Нина Суржикова вернулась в институт. Но это уже не была та хрупкая, застенчивая девушка, которую помнят педагоги по первому курсу.

В жизни и учебе она стала требовательнее к себе и окружающим, и все ее поступки проникнуты огромным вниманием и любовью к людям.

Недавно при ГИТИС'е открылся учебный театр. На открытии была показана пьеса К. Тренева «Анна Лучинина». Дипломница Нина Суржикова играла заглавную роль.

Рисунки В. Богаткина

Танцор

Боевое крещение солист балета Государственного академического Большого театра СССР Алексей Варламов получил у реки Сож. Танковой роте было дано задание переправиться через реку и вступить в бой с противником.

Немцы не ожидали встретить здесь противника. Их замешательством воспользовались наши танкисты, и в первые минуты боя пять немецких машин было подбито, остальные повернули и быстро скрылись в чаще. Три дня ходил в бой танк, где башенным стрелком был Алексей Варламов.

В одну из атак танк, в котором находился Варламов, был подорван. Когда дым рассеялся, то можно было увидеть, как от подорванной машины, поддерживая друг друга, ползут два человека. Это были раненый командир танка и боец Варламов. Немецкие автоматчики обнаружили их и стали стрелять вслед.

Танкистам удалось благополучно переправиться на советский берег.

В октябре 1943 года, оправившись от контузии, полученной в битве под Сталинградом, Алексей Варламов возвратился в Большой театр. После огня пожарищ — ослепительные огни рампы и хрустальных люстр, вместо касок, тулупов и сапог — серебристые колеты и шелковые балетки, вместо грохота танков и треска пулеметов — музыка Чайковского, Глазунова...

Варламов много занимался и вновь получил все свои прежние партии.

С 1947 года молодому артисту-коммунисту доверили воспитание и подготовку молодых танцоров. Он преподает в хореографическом училище Большого театра и ведет класс совершенствования солистов.

Физкультурный взвод

Фото А. Гостева

Текст С. Соколова

Спросите любого гвардейца в Н-ском полку: — Как попасть в физкультурный взвод?

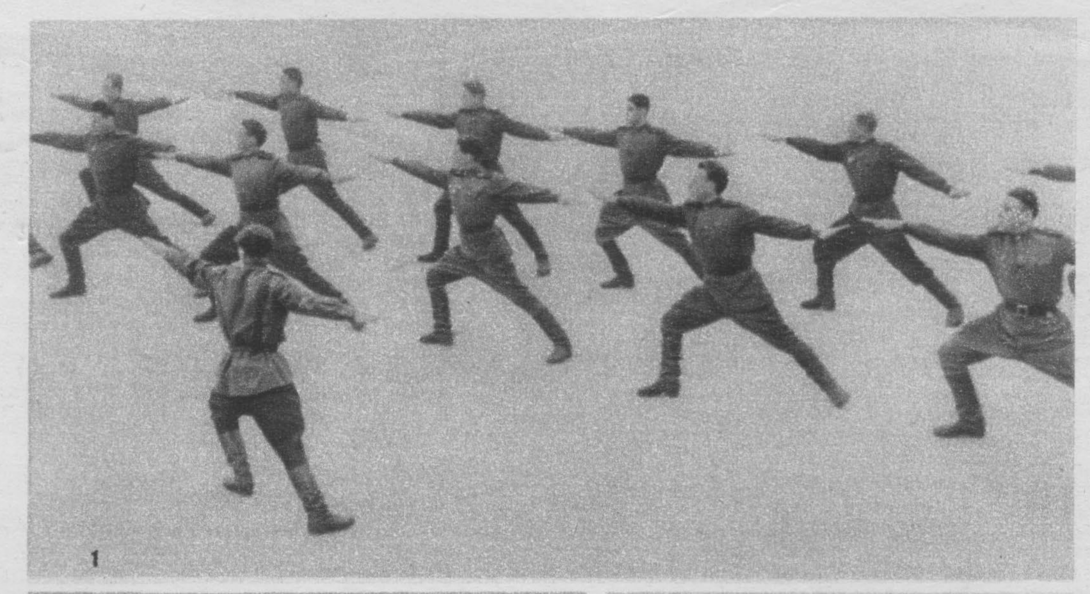
И вас тут же проведут в казарму, где над койками возвышается перекладина турника, где у стены вытянулся частокол хорошо смазанных лыж, а в углу виднеются матерчатые кулачки учебных винтовок для рукопашного боя.

Бесполезно искать физкультурный взвод в полковых списках: там он называется иначе — первый взвод пятой роты. Да, это обычный штатный взвод, и название «физкультурный» — его неофициальный титул. Однако иначе он в полку не называется.

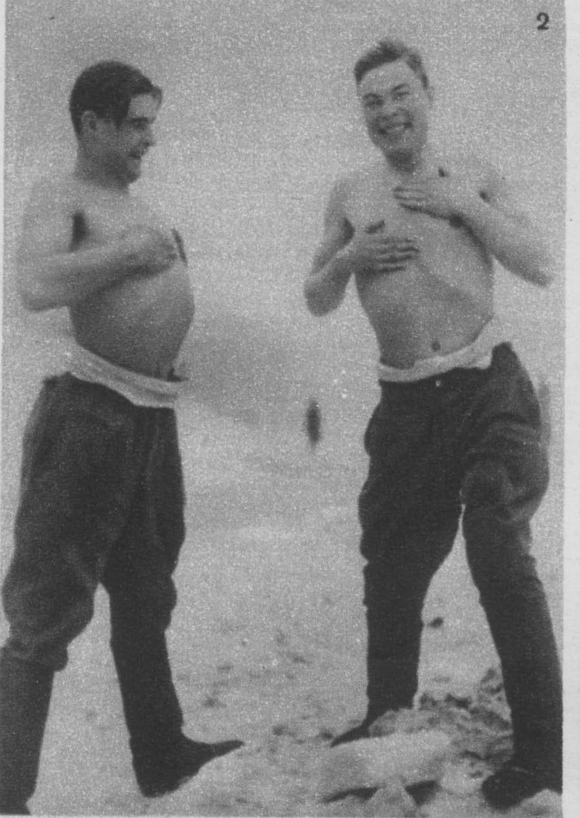
В физкультурном взводе, который, как и все остальные подразделения гвардейского полка, несет воинскую службу, подобрался богатырь к богатырю, рослый, крепкий народ, и та спортивная подготовка, которой занимаются во всех подразделениях, здесь принесла особенно богатые плоды.

В мае прошлого года первый взвод пятой роты, участвуя в стрелково-тактических соревнованиях округа, занял первое место в марше на 15 километров со стрельбой, и вот теперь взвод готовится к зимним окружным соревнованиям, в которые входят лыжный марш со стрельбой, рукопашный бой, снарядовая гимнастика...

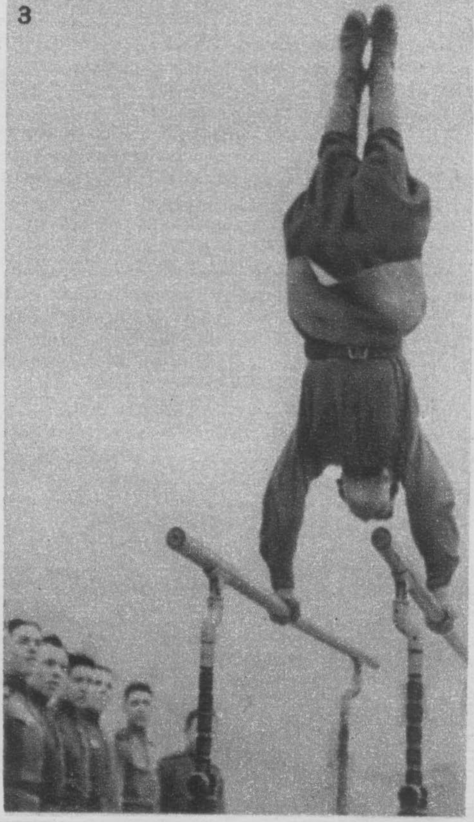
Утро во взводе начинается зарядкой на



1



2



3

Физкультурный взвод на лыжном марше. Впереди командир взвода гвардии лейтенанг Беспалов.

4

1. День начинается физкультурной зарядкой на плацу. 2. Бойцы физкультурного взвода Николай Лебедев (слева) и Кирилл Изотов обтираются снегом. 3. Физрук полка гвардии лейтенант Архангельский показывает бойцам физкультурного взвода упражнение на брусьях. 4. Лучшие рукопашники взвода участники Великой Отечественной войны Алексей Гончарик (слева) и Григорий Пахтунов.

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ИГРАТЬ В ВОЛЕЙБОЛ! О КАЛЬЦЕКСЕ И ЛЫЖАХ. СОРЕВНОВАНИЯ, В КОТОРЫХ ПОБЕЖДАЮТ ВСЕ.

— Умеете ли вы играть в волейбол?

Вопрос явно задел моего собеседника, и он в ответ не без ехидства спросил:

— А вы умеете ходить?

В самом деле, кто из нас не умеет играть в волейбол! Что может быть проще: вышел на площадку и перебрасывай мяч через сетку на сторону противника, соблюдая настолько немудреные правила, что их можно усвоить скорее, чем выпить стакан воды.

Сотни тысяч людей играют в волейбол и летом и зимой. Энтузиасты этой поистине массовой игры утверждают, что волейболистами следует считать всех жителей Советского Союза.

И все-таки вопрос «Умеете ли вы играть в волейбол?» — законный. Дело в том, что из среды миллионов волейболистов выдвинулись подлинные виртуозы, создатели современного советского волейбола, содержащего столько тактических тонкостей и технических премудростей, что неискушенному человеку они в голову не придут.

Сборная команда Ленинграда в Праге доказала превосходство советского стиля. Спустя несколько месяцев волейболисты московского «Динамо» в Польше выиграли у пяти лучших польских команд.

Советские игроки проявили полное превосходство — моральное, физическое, техническое и в особенности тактическое.

Сейчас во многих городах страны разыгрываются зимние волейбольные чемпионаты, и, если вы хотите познакомиться с настоящим волейболом, посмотрите игру лучших команд города. Так я и поступил, желая доказать приятелю, что он в волейбол играть все-таки не умеет.

Мы посмотрели один из матчей московского первенства между командами московского «Динамо» — чемпиона СССР, и «Локомотивом». Динамовцы довольно быстро овладели инициативой и оторвались на несколько очков. В середине первой партии локомотивцам удалось отквитать несколько очков, но затем динамовец В. Щагин с подачи снова увеличил просвет, и первая партия закончилась со счетом 15 : 13 в пользу «Динамо».

Вот тогда-то и развернулась настоящая борьба. С удивительной точностью, из самых разнообразных и трудных положений, Щагин подкидывал мячи, и его партнеры били с такой силой, что глаз не в состоянии был следить за полетом мяча. Навстречу бьющему прыгали локомотивцы, пытаясь у сетки принять мяч на ладони. Они ставили так называемый блок, но и Евсеев, и Якушев, и Китаев либо пробивали блок, либо ухитрялись ударить мимо блока, либо обманывали противников, укладывая мяч в стороне. Иной раз нападающие «Динамо», стоящие у сетки, били не со второго паса, а с первого, пытаясь ускорить темп и не дать локомотивцам поставить блок.

И вот в этот критический момент локомотивцы чутьем стали угадывать атакующие удары. События в волейболе развертываются настолько быстро, а мячи перемещаются настолько стремительно, что каждый раз, когда кому-либо из защитников задней линии удается принять гас, или, как говорят, «вытащить» мяч, это кажется случайностью. Но вот вы замечаете, что в этой случайности есть своя закономерность. Вы видите, что не кому другому, а именно локомотивцу А. Маментьеву удается чаще, чем другим, перехватывать молниеносные мячи. И вот уже Д. Федоров, В. Мальцман или В. Голомазов посылают их на сторону «Динамо».

Конечно, нападение у «Динамо» сильнее, но зато защита «Локомотива» играет без промаха. Игра захватывает всех. Каждый удар, каждый бросок вызывает бурю аплодисментов, и мой собеседник, пришедший на матч с убеждением, что сыграл бы не хуже любого другого, сидит, затаив дыхание. Счет 14 : 11 в пользу «Локомотива». Для победы во второй партии нужен еще один удар. Подача «Локомотива». Динамовцы отыгрывают подачу и выигрывают очко. Снова подает «Локомотив», но динамовцы опять отбирают подачу. Счет 14 : 13. 14:14. Ужасающий удар Евсеева. Акробатический прыжок А. Маментьева — и он отбивает мяч. Но динамовцы хладнокровно разыгрывают комбинацию, мяч у Щагина, у Якушева, локомотивцы пытаются поставить блок, но опаздывают на мгновение. Якушев посылает сильный кросс — удар через площадку. Все? Нет, на этот раз Е. Егнус непостижимым образом успевает просунуть руку между мячом и полом. Он еще не поднялся с земли, а зал уже бешено аплодирует Голомазову, который несильно пробил, послав мяч вниз. Подача «Локомотива». И вдруг неожиданность. Тихий мяч спокойно падает наземь между двумя динамовцами: оба понадеялись друг на друга. Зал смеется. Последний удар. Подает Федоров. «Ну, ребята, все!». И, действительно, на этот раз все. Локомотивцы удачно принимают ответный мяч, и Мальцман завоевывает последнее очко. Вторая партия остается за «Локомотивом» со счетом 16 : 14.

Окрыленные успехом, локомотивцы третью партию провели еще сильнее. Снова при счете 14 : 14 напряжение достигает высшей точки, и снова локомотивцы выигрывают партию со счетом 16 : 14. Четвертая партия проходит без борьбы. Локомотивцы выиграли со счетом 15 : 4, одержав славную победу над чемпионом...

Когда игра закончилась и мы в начале первого часа ночи спешили к метро, я вновь повторил свой вопрос:

— Умеете ли вы играть в волейбол?

И мой собеседник ответил:

— Играть-то я, конечно, умею, но вот волейбола я до сих пор настоящего не видел. Вы не знаете, когда «Динамо» и «Локомотив» встречаются во втором круге?

* * *

Есть люди, которые регулярно принимают кальцекс, чтобы предохранить себя от заболевания гриппом, другие предпочитают кальцексу лыжи, и они только понаслышке знают о гриппе.

Среди поборников лыжного спорта не последнее место занимают заводские страховые врачи. Они давно заметили, что, чем больше лыжников на заводе, тем меньше больничных листов. Медицинские светила сходятся на том, что лыжи — самый гигиенический, самый здоровый, самый полезный спорт. Нет поэтому ничего удивительного в том, что именно лыжи пользуются у нас такой популярностью.

В этом спорте больше участников, чем зрителей. Не знаю, можно ли найти сейчас такой населенный пункт, окрестности которого не были бы расчерчены лыжными узорами. Зимняя спартакиада РСФСР, всесоюзные лыжные соревнования сельской молодежи, первенство городов, районов, областей, республик, лыжные чемпионаты заводов и обществ и, наконец, всесоюзный лыжный кросс, который попрежнему остается самым значительным событием спортивной зимы, — вот далеко не полный перечень лыжных состязаний этой зимы.

Для того, чтобы стать победителем лыжного кросса, участнику вовсе не обязательно придти первым, ему достаточно выполнить норму. Лыжник в возрасте от 16 до 30 лет должен пройти 10 километров в 65 минут. Если он этого добился, то может считать, что сдал экзамен и ему открыт путь для перехода в другой класс той грандиозной спортивной школы, которая именуется комплексом ГТО и составляет основу физического воспитания советской молодежи.

В лыжных кроссах, которые смело можно назвать первым классом ГТО, обычно участвует 6—7 миллионов юношей и девушек. Нет оснований думать, что в нынешнем году количество участников будет меньше. В Ленинграде в кроссе участвовало 200 тысяч человек. В Челябинске, судя по предварительным данным, на старт кросса вышло более 60 тысяч молодежи.

А. ВИТ

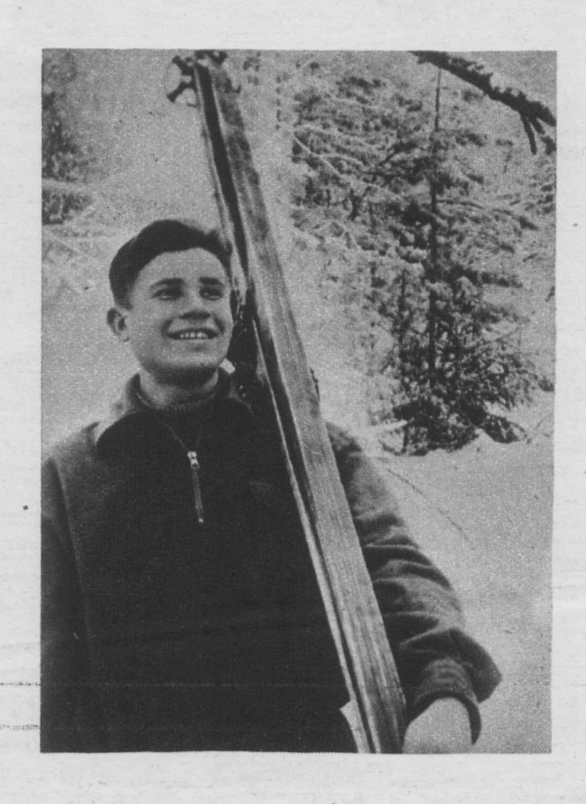
плацу. Легко дышится на морозе, стремительно и сильно сгибаются и разгибаются крепкие, молодые тела...

Затем — утренний туалет. Почти все бойцы моются до пояса холодной водой, а наиболее закаленные, сбросив гимнастерки, выбегают во двор и обтираются свежим снежком.

После завтрака — тренировка. В то утро, когда мы посетили физкультурный взвод, шли занятия по снарядовой гимнастике. С одной группой на перекладине работал гимнаст 3-го разряда гвардии рядовой Роман Тильман, вторую группу на перекладине тренировал гимнаст 2-го разряда гвардии рядовой Валентин Брешко.

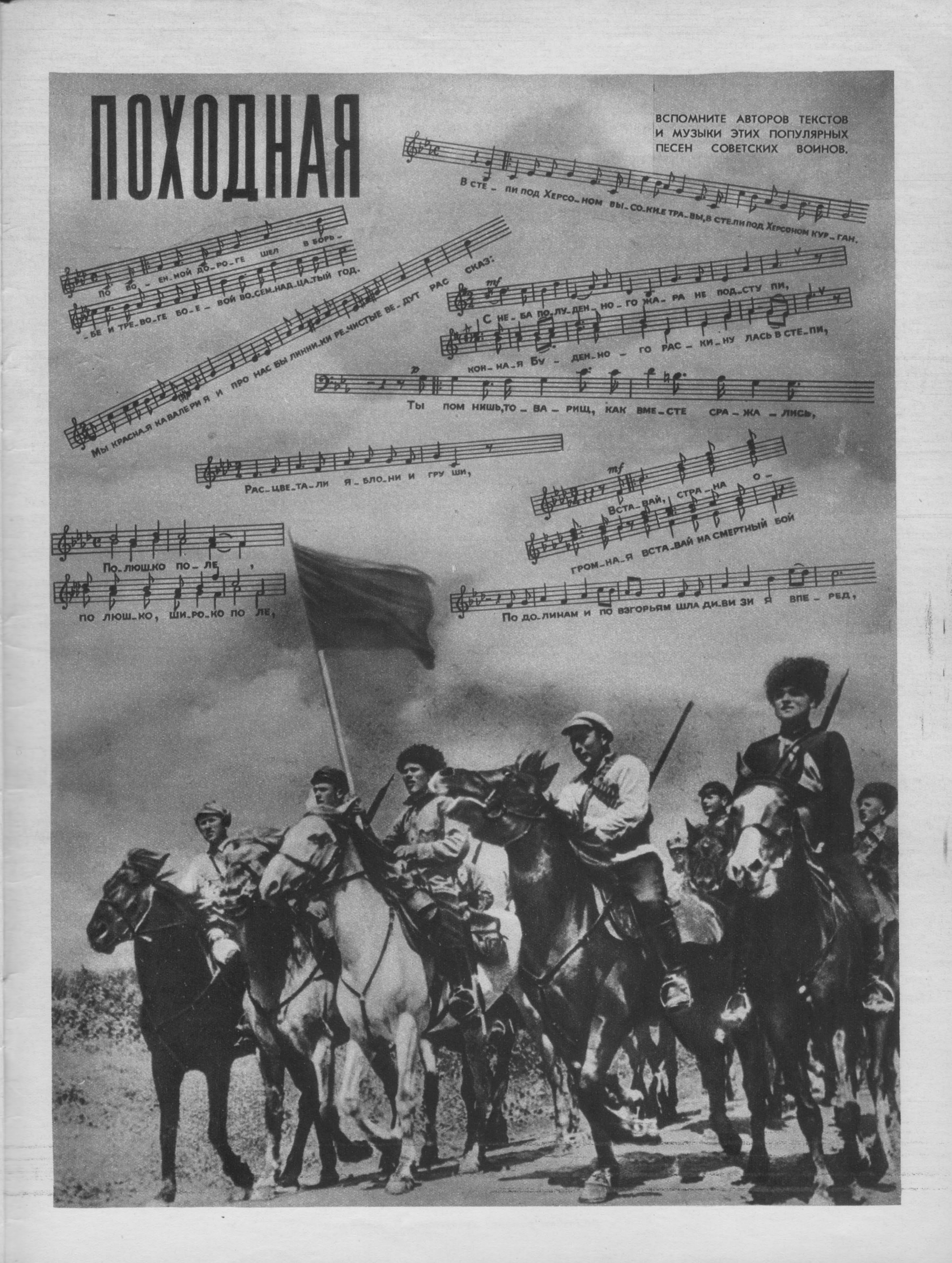
Сразу же бросаются в глаза прекрасная физическая подготовка, уверенные движения бойцов. Тут, у гимнастического снаряда, можно было встретить представителей самых различных областей и республик Советской страны: хакаса Бузаева — лучшего стрелка, сибиряка гвардии сержанта Плотникова, дальневосточника Апанченко, уральца, гвардии старшего сержанта Кузнецова — прирожденных лыжников, сибиряка Босина, — одного из лучших гимнастов полка, Пахтусова и Гончарика — фронтовиков-орденоносцев, мастеров рукопашного боя.

Многие из них начали заниматься физкультурой еще в школах, на заводах, в колхозах, но тренированными, сильными спортсменами все они стали в армии. Постоянные занятия, изо дня в день соревнования, походы, учения сделали их вот такими — широкоплечими, мускулистыми, выносливыми.



Помкомвзвода гвардии старший сержант Валентин Кирсанов — лучший лыжник части.

Взять хотя бы помкомвзвода гвардии старшего сержанта Валентина Кирсанова. Этот высокий, сильный спортсмен за годы службы стал одним из лучших лыжебежцев своей части. Он имел возможность тренироваться с известным мастером, офицером той же части, где служит он сам, гвардии старшим лейтенантом Печниковым. Сейчас Кирсанов побеждает всех лыжников части. В последний раз он был первым в гонке на 20 километров со временем 1 час 51 минута. В колонне армейских спортсменов Валентин Кирсанов участвовал в физкультурном параде 1947 года. Он первый помощник своего командира гвардии лейтенанта Беспалова и физрука полка гвардии лейтенанта Архангельского, который много времени уделяет физкультурному взводу. На обязанности Кирсанова лежит лыжная подготовка взвода. Три раза в неделю взвод выезжает за 30 километров, а затем, встав на лыжи, возвращается в казармы. Лучшие лыжники Николай Тарасов и Валентин Дьяков предлагают остальным быстрый темп, и тут бойцам не приходится жалеть своих сил: ведь скоро предстоит встреча на лыжне с взводами других частей, которые тоже не теряют времени...

По шесть часов в день продолжается тренировка, и бойцы других подразделений в свободное время сходятся, чтобы посмотреть рукопашные схватки, ловкую работу на снарядах или искусство попеременного хода на лыжне бойцов физкультурного взвода, и каждый мечтает быть таким же сильным, тренированным и умелым.

ПОХОДНАЯ
ВСПОМНИТЕ АВТОРОВ ТЕКСТОВ И МУЗЫКИ ЭТИХ ПОПУЛЯРНЫХ ПЕСЕН СОВЕТСКИХ ВОИНОВ.
В сте – пи под Херсо – ном вы – со-ки-е тра-вы, в сте-пи под Херсоном кур – ган.
По во – ен-ной до-ро-ге шел в борь –
– бе и тре-во-ге бо – е – вой во-сем-над-ца-тый год.
Мы красна-я кавалери-я и про нас бы линни-ки ре-чистые ве-дут рас сказ:
С не-ба по-лу-ден-но-го жа-ра не подсту пи,
кон-на-я Бу – ден-но – го рас – ки-ну лась в сте-пи,
Ты пом нишь, то – ва – рищ, как вме-сте сра – жа – лись,
Рас-цве-та-ли я-бло-ни и гру ши,
Вста-вай, стра-на о –
гром-на-я вста-вай на смертный бой
По-люш-ко по-ле,
по люш-ко, ши-ро-ко по ле,
По до-линам и по взгорьям шла ди-ви зи я впе – ред,

Почему мы так говорим

РОЛЬ

Трудно представить, что слово роль в фразе: «Он играл роль Чацкого» — происходит от слова, означавшего колесо.

Латинское рота — колесо, колесница, круг — дало ряд производных слов, в том числе ротулюс — свиток, сверток. От рота наши технические термины: ротор, ротация, ротатор и т. д.

Французский язык, созданный смешением средневековой вульгарной латыни с кельтскими диалектами древней Галлии, превратил ротулюс в роль. «Потомками» колеса, круга являются слова и выражения ролевая (свернутая) бумага, рулон, рулет (пирог из скатанного теста) и т. д.

Так как некогда книги писали не на сшитых или сложенных листах, а на длинных полосах, которые сворачивали в свитки, то и написанное на этих полосах называли ролью. В частности так назывались свитки с переписанными фразами, которые произносил актер на сцене. От этих ролей-свитков со словами отдельных исполнителей и наше слово роль.

ЧУ!

«Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу».

(И. А. Крылов «Два голубя»)

Короткое слово чу — призыв обратить внимание на что-нибудь слышимое.

В современном русском языке не сохранились многие формы старославянского языка. Например, совершенно исчезла одна из форм прошедшего времени — аорист.

Но следы аориста, в частности, сохранились в глагольных междометиях. Одно из них — чу!

Чу — форма второго лица аориста от глагола чути — слышать. Чу и значит примерно «слышишь?».

И. УРАЗОВ

Уголок натуралиста

ПОМОЩНИК РЫБОЛОВА

С давних пор человек использует ловчих птиц для охоты на животных. Но не всем известно, что птица помогает человеку в рыболовстве. Птица эта — распространенный по всему земному шару баклан. Сильный и смелый, он прекрасно летает, плавает и ныряет, но по земле ходит неловко и неуклюже. Для ловли рыбы бакланы иногда соединяются с пеликанами и, загоняя рыбьи косяки к берегам, легко там истребляют большое количество плывущей рыбы.

Рыбная ловля при помощи бакланов широко применяется в Китае. Птенцов баклана вынимают из гнезд и затем дрессируют, приучая птицу доставлять добычу рыболову. Способ охоты весьма прост: баклану надевают на шею кольцо и пускают в воду. Птица тотчас ныряет, плывя с невероятной быстротой. Через некоторое время она возвращается к хозяину, держа во рту и в глотке несколько рыб: из-за кольца, сжимающего шею, она не может их проглотить.

Рыболов извлекает принесенную рыбу и снова пускает баклана в воду — на охоту.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Б. Поляков (Москва)

XXX лет Советской Армии

По горизонтали:

3. Торжественная песнь. 4. Оруженосец в произведении Сервантеса. 7 Оборонное сооружение. 12. Распоряжение. 13. Огнестрельное оружие. 14. Самодвижущийся снаряд. 15. Нападение. 17. Советский рекордсмен. 21. Сигнальный снаряд. 22. Орден Советского Союза. 23. Советский полководец. 24. Средство переправы. 25. Стратегическое сырье. 30. Чертеж местности. 33. Разрывной снаряд. 35. Музыкальный инструмент. 36. Род войск. 37. Мастера высшего пилотажа. 38. Прием воздушного боя. 39. Холодное оружие.

По вертикали:

1. Взрывчатое вещество. 2. Углубление от взрыва снаряда. 5. Исторический крейсер. 6. Герой гражданской войны. 8. Руководитель дальневосточных партизан. 9. Принадлежность пулемета. 10. Огнестрельное оружие. 11. Боевая машина. 16. Русский полководец. 18. Защита. 19. Часть борта корабля. 20. Часть танка. 26. Прежнее название Ворошиловграда. 27. Команда для стрельбы. 28. Прозвище гвардейского миномета. 29. Скрытая боевая группа. 30 Представитель кавалерийских частей. 31. Боевая повозка. 32. Неприятель. 34. Боец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7

По горизонтали:

7. Линза. 8. «Садко». 10. Анапа. 13. Оброк. 14. Альбом. 15. Армавир. 16. Истина. 17. Веселие. 19. Ботаник. 21. Тактика. 22. Новатор. 25. Торопка. 28. Итака. 30. Рында. 31. Орган. 32. Горизонталь. 33. Дрель. 35. Скала. 37. Сифон. 38. Каземат. 41. «Капитал». 43. Оборона. 44. Веронал. 46. Румыния. 50. Кратер. 52. Караван. 53. Тирада. 55. Палаш. 56. Анонс. 57. Фанза. 58. Отара.

По вертикали:

1. Финал. 2. Таран. 3. Барбюс. 4. Норма. 5. Канва. 6. Фонтан. 8. Самолет. 9. Диаметр. 11. Акробат. 12. Авиатор. 17. Ванты. 18. Стратосфера. 20. Кража. 23. Водолаз. 24. Окрошка. 26. Окалина. 27. Перекат. 28. Ишиас. 29. Алтын. 34. Рукав. 36. Лилия. 39. Минерва. 40. Толокно. 41. Каренин. 42. Памятка. 45. Ратуша. 47. Наркоз. 48. Кросс. 49. Свифт. 51. Рулон. 54. Драма.

Ответы на «Дети в русской живописи» (№ 6).

1. К. П. Брюллов — Всадница. 2. А. А. Ржевская — Веселая минутка. 3. Н. А. Касаткин — Шутка. 4. В. Е. Маковский — Посещение бедных. 5. В. Е. Маковский — Игра в бабки. 6. И. Фирсов — Юный живописец. 7. Г. Ф. Рыбаков — Возвращение из школы. 8. И. Е. Репин — Не ждали.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОМБИНАЦИОННАЯ ПАРТИЯ

Шмидт (белые) — Саенко (черные)

Играна в Харькове в 1947 году.

1. a3—b4 b6—a5; 2. b2—a3 c7—b6; 3. c1—b2. (Плохой ход. Обычно здесь играют. 3. a1—b2) 3. ... b6—c5; 4. e3—f4 f6—g5 (черные в свою очередь допускают серьезную неточность, позволяющую белым не только развязать свой левый фланг, но и получить инициативу. Следовало играть 4. ... f6—e5, сохраняя связку); 5. f4—e5 d6 : f4; 6. b4 : d6 e7 : c5; 7. g3 : e5 a7—b6; 8. c3—b4 a5 : c3; 9. d2 : d6 d8—c7 (Лучше было 9. ... g7—f6; 10. e5 : g7 h8 : f6 с последующим 11. ... d8—c7); 10. a3—b4 (Подготовляя тщательно замаскированную ловушку) 10. ... b6—c5?

Ничего не подозревая, черные попадаются в расставленные сети и быстро проигрывают. После 10. ... g7—f6; 11. e5 : g7 h8 : f6 черные отыгрывали шашку и достигали ничьей. Теперь следует комбинация.

11. h2—g3!! c5 : c1
12. a1—b2! c1 : e7
13. e5—f6 g7 : e5
14. g3—f4 и черные сдались.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОНЦОВКА

Белые начинают и выигрывают.

Предлагаемая вниманию читателей концовка Богуславского и Бучеля является выдающимся произведением шашечного искусства. Механизм выигрыша в этой позиции очень оригинален и сложен. Достаточно указать, что многие мастера, которым было предложено решить эту концовку, не могли найти правильного решения.

1. c1—b2! a1 : c3
Если 1. ... g5 : e3, то 2. h6 : c1 a1 : c3; 3. f2—g3! h2 : f4; 4. g1 : b6! a5 : c7; 5. c1 : d2 и выигрывают.
2. f2—g3! g5 : e3
3. h6 : b4 h2 : f4

На 3. ... a5 : c3 последует 4. g1 : b6 h2 : f4; 5. b6—d8 с выигрышем.

4. g1 : b6!! и как бы черные ни били, белые выигрывают, так как после 4. ... a5 : c3 решает 5. b6—d8, а если 4. ... a5 : c7, то 5. b4—a5!

ЗАДАЧА

Н. Пустынников (Ленинград)

Белые начинают и запирают дамку и простую черных.

Главный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. УРАЗОВА

А — 01086 Подписано к печати 14/II—48 г. 5½ печ. л. Изд. № 156. Тираж 154 000. Зак. № 328. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Обложка работы художника В. Климашина

1918

Долгоруков 48 г.

1948

СССР

Цена 3 руб.